

ИНГАР

18+

ЙОНСРУД

«ЗОЛОТОЙ КАНОН
СКАНДИНАВСКОГО
НУАРА».

Corriere della Sera,
Italy

БРАТСТВО

Триллер по-скандинавски

Ингар Йонсруд

Братство

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

Йонсруд И.

Братство / И. Йонсруд — «Издательство АСТ», 2015 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-093191-0

Пропала Аннетте Ветре, дочь влиятельного норвежского политика. Главный инспектор полиции Фредрик Бейер без особого рвения берется за дело – ведь разгадка кажется очевидной. Девушка состояла в религиозной общине, и наверняка ее исчезновение как-то связано с деятельностью секты. Однако совершенное в пригороде Осло жестокое убийство адептов учения, к которому принадлежала Аннетте, наталкивает Бейера на мысль, что дело намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Когда на месте преступления полиция находит лабораторию, где, судя по всему, проводились ужасающие эксперименты над людьми, Фредрик Бейер и Кафа Икбаль уже не сомневаются: настоящие мотивы всех преступлений кроются в прошлом. Но чтобы найти виновного, придется не только прочесть самые темные страницы истории, но и вступить в противоборство с теми, чья власть безгранична...

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-093191-0

© Йонсруд И., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	35
Глава 14	36
Глава 15	37
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	44
Глава 19	48
Глава 20	50
Глава 21	52
Глава 22	54
Глава 23	57
Глава 24	58
Глава 25	60
Глава 26	61
Глава 27	64
Глава 28	66
Глава 29	70
Глава 30	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Игнар Йонсруд

Братство

Ingar Johnsrud
WIENERBRORSKAPET

Печатается с разрешения литературного агентства Salomonsson Agency
Перевод с норвежского Марии Назаровой

Серия «Триллер по-скандинавски»

© Ingar Johnsrud 2015
© Назарова М., перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

В любой сложной популяции, такой, как, например, человеческое общество, отбор – селекция – играет определяющую роль. Чем жестче селекция, тем лучше сохраняется вид. Этот отбор среди лучших, самых жизнеспособных представителей вида изначально обеспечивался самой природой и людьми, пока они действовали в согласии с ней. Первые человеческие «вмешательства» совершались отнюдь не против природы, а наоборот, чтобы помочь ее работе. Другое дело, что использовавшиеся для этого средства были грубыми, отчасти, по нашим понятиям, жестокими. Вопрос в том, не допускает ли наше время, способствующее всему слабому и немощному и уходящее тем самым в другую крайность, новую жестокость, которая может сравниться в варварстве со старой.
Из введения в «Расовую гигиену» Йона Альфреда Мьёэна
Издательство Якоба Дюбвада,
1938 г.

* * *

Йон Альфред Мьёэн умер в 1939 г.

Часть 1

Глава 1

В полумраке стюардесса убрала поднос с нетронутой едой: копченым лососем, босфорским морским окунем и венским яблочным штруделем. Ее движения были ловкими, настолько отработанными, что она совершала их не глядя. Обслуживая пассажира, она украдкой взглянула на него и заметила то самое выражение лица, которое приводит в замешательство, если увидишь его вблизи. Оно было как на нечетком изображении монитора, но что именно в нем было не так, она уловить не могла. Когда стюардесса потянулась за бокалом с шампанским, мужчина положил свою ладонь на ее. Девушка резко отдернула руку.

Он аккуратно убрал откидной столик. Пассажиры на соседних местах спали. Тусклые отблески навигационного фонаря, мигавшего на крыле самолета, отражались в иллюминаторе. Далеко внизу, над землей светились гирлянды золотых огней. Европа. С тех пор прошло много времени. Закрыв глаза, он просунул указательные пальцы между кожей и маской и подумал о том, что осталось в прошлом.

* * *

Частицы пыли плавно оседали в воздухе. Палящее солнце было затянато бледно-жемчужной пеленой. На высоте тысяча метров над уровнем моря простиралась степь. Воздух был разреженным. Его сопротивление при выстреле будет низким. Нельзя было представить условий лучше.

Они лежали неподвижно на каменной лестнице перед бойницей на самом верху старого минарета. Снаружи было почти сорок градусов. В башне было прохладнее, но все равно воздух плавился от жары.

Он дал глазам отдохнуть. Поморгав, перевел взгляд в тень, прекрасно зная, что Кит наблюдает в подзорную трубу. Встреча длилась уже почти четыре часа. Если губернатор хочет успеть в свой укрепленный дом до наступления темноты, то скоро будет прощаться.

Кит тронул соседа за плечо. Тот знал, что это значит, и передернул затвор. Он прицелился. Стена, которую он увидел, была некрашеной, красно-коричневой. Бритоголовый мужчина, одетый в темный жилет и светлый *перахан тунбан* – традиционную старинную одежду, которую предпочитают многие афганцы, – открыл балконную дверь. Это был Хассам, осведомитель, заманивший сюда губернатора.

Хассам отошел в сторону, давая возможность пожилому человеку выбрать место на балконе с коваными перилами. Губернатор Усмаль Абдуллах Камаль. Перекрестие прицела скользнуло по его коричневому тюбану. Вниз по пышной седой бороде. Двое мужчин стояли в напряженном молчании, устремив взгляд в даль маковых полей.

Из-за отдачи снайпер потерял цель из виду, но, опустив винтовку, увидел, что пуля «Лапуа Магнум» 338-го калибра попала почти на пять сантиметров правее середины груди. Будь выстрел менее точным, жертва все равно была бы убита. Тем не менее в висках запульсировало от досады. Вместо того чтобы проделать большую красную дыру размером с апельсин в белой одежде губернатора, он разнес его грудь почти надвое. Балкон, Хассам и стену залил фонтан светло-красной крови. Тело губернатора дернулось, натолкнувшись на дверь, затем задержалось на мгновение, неестественно выгнувшись. Хрупкая деревянная конструкция, не выдержав, обвалилась. Тело рухнуло на пол, подняв вокруг себя облако пыли.

Снайпер передернул затвор. Было слышно, как на лестницу упала пустая гильза.

У ног губернатора, обутых в сандалии, сидел, сжавшись в клубок, Хассам.

То ли он молился, то ли им овладела паника, то ли он разыгрывал спектакль перед приближающимися телохранителями. Это не имело никакого значения. Снайпер отрегулировал прицел с поправкой на ветер и нажал на спусковой крючок. Мгновение – и тело Хассам завалялось на бок. На глиняной стене остался след в виде оранжево-красного нимба из месива мозгов, крови, волос и осколков черепа.

Убийца моргнул и подумал, что глаз – как фотокамера. Моргнув ещё раз, он не сразу открыл глаза, чтобы ощутить ту темноту, которая наступает, когда зеркало фотоаппарата опускается и время как будто замирает. Это был его момент, и он был запечатлен навсегда.

– Прощай, Хассам, – произнес Кит.

Снайпер завернул винтовку в полотенце. Пока Кит паковал подозрную трубу, убийца встал и поднялся на три ступени, отделявшие его от человека, лежавшего связанным в лестничном пролете. Несколько мух кружились у его лба с запекшейся кровью. Из-за повязки на глазах было невозможно определить, был ли пожилой имам в сознании. Он дышал учащенно и хрипло. Снайпер достал из кобуры пистолет. Кит покачал головой:

– В этом нет необходимости.

У минарета они пожали друг другу руки.

– Организация желает вам удачи в Норвегии, – сказал Кит.

В ответ снайпер только прошипел.

Глава 2

- Фредрик Бейер. Через «й» после «е».
- Адрес?
- Соргенфригатен, дом шесть. Это район Майорстюен.
- В Хейнекегорен?
- Что?
- Я предположил, что вы живете в Хейнекегорен. А родились вы в ...?
- Здесь, в Осло. Это имеет какое-то значение?
- Прошу прощения. Я имел в виду год рождения. Сколько вам лет?
- Сорок восемь. Мне сорок восемь.

Расположившийся на кожаном диване главный инспектор полиции потянулся своей огромной рукой за ложкой в банке с растворимым кофе, взял ее, повертел в руках и заметил на металлической поверхности выпуклой части свое слабое отражение: пряди волос на висках с едва проступающей сединой. Зато его тонкие, хорошо подбритые усы выглядели так, будто кто-то нарисовал их ему, пока он находился в состоянии опьянения.

Перед полицейским сидел штатный психолог. Над головой психолога висел постер с Эрнестом Хемингуэем с обнаженным торсом.

- Разве Хемингуэй не застрелился?
- Как и его отец.
- Не забавно ли, что психолог украшает кабинет портретом парня, снесшего себе башку?
- Думаю, не забавнее, чем то, что вы живете на Соргенфригатен¹, – ответил психолог, уверенным кивком головы указав на толстую папку пациента на столе между ними.

Следователь недружелюбно фыркнул. В лучшем случае адрес был выбран произвольно.

- Бывшая жена выбирала квартиру.
- Значит, вы были женаты. Дети есть?
- Трое... двое. Я имею в виду двое.
- Так трое или двое?
- Один из них умер.
- Прошу прощения. Что с ним произошло? – Мозгокопатель с двойным подбородком потуже затянул резинкой волосы в хвост.

Сюда-то и приходили «облегчиться» полицейские со всего города. Стены комнаты были такого грязно-белого цвета, будто впитали в себя извергавшиеся здесь ежедневно миазмы злобы, связанной с чувством неполноценности и страха. Отвратительно. Кабинет психолога был не больше клетки, и Фредрику Бейеру не хватало воздуха. Фредрик поднялся с засиженного посетителями кожаного дивана, и тот заскрипел. Выпрямившись во весь рост, Фредрик почти доставал головой до потолка. Полицейский встал у окна. Желтоватые шторы хлопали по мокрому алюминиевому подоконнику.

Психолог остался сидеть спиной к полицейскому, и когда Фредрик обернулся, то увидел только хвост его секущихся волос и лоснящуюся от пота макушку. Мозг в этой голове был промаринован самыми темными тайнами полицейских. Этот парень – уличный сортир всей полиции Осло. Черта с два, да ни за что он не будет обсуждать с ним своего сына.

- Вы живете вместе с детьми?

Фредрик сощурился.

¹ Буквально «улица без печали» (норв.). – Прим. пер.

– Нет. Они живут в Тромсё. Со своей матерью Элис и ее новым мужем, – Фредрик снова скользнул на диван. В левой коленке больно хрустнуло. – Я здесь не по своей воле. К этому мне нечего добавить. Меня поставили перед выбором: или ходить к вам, или взять долгий отпуск.

Психолог провел пальцем по складке двойного подбородка.

– Потому что вы не считаете себя больным?

Тон психолога не оставлял никаких сомнений в его презрении к самодиагнозам.

– Психом? – спросил Фредрик, уставившись на собеседника. – Нет.

Глава 3

Над железнодорожным вокзалом нависло серое июньское небо. Из окна автомобиля было видно идущих по своим делам жителей Осло с закрытыми зонтиками и всепогодными куртками. Фредрик опустил противосолнечный козырек, увидел свое отражение в зеркале и провел ладонями по короткостриженным волосам. Он достал из кармана большие новые почти квадратные очки в металлической оправе. Фредрику казалось, что в них он похож на агента штази, и ему это нравилось. Губы главного инспектора полиции вытянулись в улыбке. Он погладил усы и бросил беглый взгляд на сидевшего рядом человека.

– Кари Лисе Ветре, – барабанил большими пальцами по рулю, повторил старший инспектор полиции Андреас Фигуэрас – на этот раз чуть громче. – Разве к ней не были приставлены на какое-то время наши телохранители?

Фредрик откинул голову на деревянный массажный коврик на подголовнике.

– Из этого так ничего и не вышло.

На повороте на Конгенс-гате напарник Фредрика в знак понимания прищелкнул языком. Они направлялись в сторону безжизненного района офисов и административных зданий, куда забредают только заплутавшие туристы, залетают свободные городские пташки и где снуют офисные сотрудники среднего звена. В тоскливую часть города, которая называется Квадратурен.

– Напомни, что это было за дело, – попросил Андреас. – Что-то связанное с геями?

– Ну вроде того. Она была свидетельницей того, как у кинотеатра «Колизей» избили гомосексуальную пару. За несколько дней до суда ей позвонил мужчина и сказал, что выпустит из нее кишки, если она даст показания. Угрозы поступали в адрес нескольких человек, но, так как у нее особый статус, забили тревогу.

– Да, понятно, что к ней особое отношение. Чертовы политики, – прорычал Андреас, снимая с головы с седыми завитками очки и надевая их на нос. Андреас был на несколько лет старше Фредрика, но тем не менее его начальником был именно Фредрик.

– Есть какая-нибудь связь с этим делом? – продолжил он, когда Фредрик проигнорировал его приглашение излить желчь на народноизбранных.

– Нет, никаких связующих нитей.

– Ведь теперь пропала ее дочь.

– Дочь и внук. Судя по всему, они состоят в какой-то общине.

– Очередное дерьмовое дело, – простонал Андреас, выпятив свой мощный подбородок вперед. В редкие минуты, когда он не был раздражен, Андреас с глубокими, как два колодца, глазами, смуглой кожей и угловатой физиономией казался самым красивым полицейским в городе.

Фредрик закрыл глаза, размышляя о женщине, с которой им предстояло встретиться. Ветре отличало чувство стиля, что так нехарактерно для норвежек. Она потерпела, как писали СМИ, сокрушительное поражение в борьбе за пост лидера Христианской народной партии и стала заместителем председателя. На экране Ветре смотрелась как политик, который ведет себя искренне и не производит при этом впечатление лицемера.

Полицейские припарковались на гравиевой стоянке около Военного общества Осло – элегантного здания правильной формы с эркером на фасаде, сообщающегося одной стеной с крепостью Акерсхюс. Одернув вельветовую куртку и заправив в джинсы белую футболку, Фредрик взглянул на своего напарника. У Андреаса было три рубашки цвета слоновой кости, три пары серых брюк и два костюмных пиджака приталенного кроя. Фредрик редко видел его в другой одежде. Андреас одевался со вкусом.

– Это церемония для ветеранов войны, – пояснил Фредрик, когда они проходили мимо двух пушек с заткнутыми дулами у входа. Внутри пахло лимоном и креветками. В большом парадном зале сидели сотни как будто высеченных из камня мужчин и несколько женщин. Охотники за нацистами, исламистами и воины-миротворцы. Министр обороны и несколько заслуженных ветеранов были удостоены почетного места под портретами королевской семьи. Кари Лисе Ветре находилась в другой части зала, где под потолком золотыми буквами был нанесен королевский призывный лозунг: «Всё для Норвегии». Она пламенно что-то обсуждала со своими соседями по столу. Первый был статным, рыжеволосым мужчиной за пятьдесят, с усами, напоминавшими жесткую щетку. Вторым – дряхлым стариком. Много лет назад он, вероятно, был сильно изуродован. На его лице остались шрамы, похожие на ожоги. Кожа на больших участках головы была растянута и сморщена, как картон, который сначала намочили, а потом высушили. Белые, как известь, руки покоились на округлой рукоятке черной трости.

Прокладывая себе путь между столиков, Фредрик встретился взглядом с Ветре.

– Я комиссар полиции Бейер. Мы общались по телефону...

Политик из Христианской народной партии сдержанно улыбнулась.

– Господа, к сожалению, я должна откланяться. Бейер, это Стейн Брённер, военный историк, – представила она своих собеседников, и едва заметная улыбка тронула ее тонкие губы. – А это Кольбейн Име Мунсен. Господин Мунсен – один из наших героев Второй мировой войны.

Ветеран уставился на Фредрика ясными темными глазами.

– Бейер... – пробормотал он.

Они пожали друг другу руки. Затем старик достал из нагрудного кармана складной гребень с костяной ручкой, на которой вычурным шрифтом было выгравировано: «КИМ». Трясущимися руками он пригладил выбившиеся на затылке волосы.

Андреас ждал их в соседнем зале. Вдоль стен висели нарисованные от руки карты и портреты офицеров с мрачными лицами.

Кари Лисе Ветре решила опустить формальности.

– Я огорчена тем, что все заняло так много времени. Прошло уже больше месяца с тех пор, как я к вам обратилась.

Во взгляде Андреаса после этой фразы промелькнула тревога.

– Ваша дочь ведь взрослая женщина, – начал он. – И тем более у нас нет оснований полагать, что это как-то связано с криминалом. Так что, возможно, она просто не хочет общаться...

Андреас посмотрел на нее поверх очков и продолжил:

– ...со своими родителями?

Ветре глубоко вздохнула собираясь что-то сказать, но Фредрик опередил ее.

– Мой коллега хочет сказать, что нам пришлось обратиться в несколько инстанций, чтобы соблюсти служебную тайну и прочие вещи.

Он тут же продолжил:

– И мы, и служба защиты детей обеспокоены ситуацией, сложившейся с вашим внуком. Его, кажется, зовут Уильям?

– Уильям Давид Ветре Андерсен, – подтвердила Ветре. – Ему скоро исполнится четыре.

– Верно. Ну, у службы защиты детей уже были проблемы с общиной, в которой состоит ваша дочь. Поэтому мы и начали расследование, исходя из того, что, *возможно*, мы имеем дело с исчезновением.

– Хорошо, – сказала Ветре, окинув Андреаса проницательным взглядом.

Они сели.

Глава 4

Если бы ему пришлось угадывать, сколько ей лет, он бы сказал – сорок пять, но он знал, что Ветре была старше. Ей было за пятьдесят. Ее возраст использовали против нее, когда она стала *всего лишь* заместителем председателя партии. Темные волосы собраны на затылке, одета в облегающий серый костюм. На шее – маленький серебряный крестик.

– Я не говорила и не виделась с Аннетте уже полгода, – начала она.

Когда она села, ее голос стал еще более мрачным. Ветре стремилась продемонстрировать, что она справляется с собственными чувствами. Ничего необычного для тех, кто привык, что их выбирают. Они презирают слабость. И более всего – свою собственную.

– В большинстве случаев родители впадают в отчаяние из-за бунта детей. Дети напиваются, экспериментируют с наркотиками, занимаются сексом. Что мне об этом известно? С нами никогда такого не было. Моя дочь сердится на меня за мою, как она считает, чрезмерную либеральность. А я на нее за то, что она исчезла вместе с моим внуком. И за то, что она языкастая консерваторша, – Ветре слабо улыбнулась.

– Потому что Аннетте...

Стул скрипнул, когда она откинулась на его спинку и остановила взгляд на потолке, будто слова, которые она искала, спрятались там, под штукатуркой.

– Аннетте живет только для Бога.

У Ветре были блестящие ухоженные волосы. Каждый волосок – на своем месте. Постоянное расчесывание не оставляло челке никаких шансов к бунту.

Все началось, когда Аннетте была подростком. Она не хотела идти в церковь, потому что на дух не переносила женщин-священников, священников-геев, изменения в литургии. Аннетте считала, что церковь издевается над своим собственным Богом.

Ветре усмехнулась и покачала головой. Фредрику показалось, что морщинки вокруг ее глаз в действительности гораздо заметнее, чем во время ее выступлений на телевидении, но его поразило, насколько очевидным было сходство политика с ее телевизионным альтер эго. Скромный макияж был безупречен. Красная помада на губах символизировала доверие и тепло. И было в ней что-то еще едва уловимое. Ее помада была ровного, глубокого, чувственного оттенка и смотрелась так изысканно. Лишь при мимолетном взгляде она казалась обычной, а на самом деле ее тон вызвал к подсознательному, любви и вожделению.

Действительно достойный политик.

– Тем не менее мы сохраняли некое уважение друг к другу. Сначала ее вовлекли в «Свет Господень»... В общину, как вы ее называете. И тогда все изменилось.

Рыжеволосый официант-швед подал им кофе. Пока он стоял у столика, Ветре молчала.

Семь лет назад Аннетте начала посещать богослужения в секте из Филадельфии «Свет Господень». Она бросила учебу на лаборанта всего за несколько месяцев до сдачи последнего экзамена.

– Как чертовски глупо, – добавила политик, тяжело вздохнув.

Затем Аннетте продала квартиру на Санктхансхауген – ту, что купили родители, – и переехала в общину. Там она познакомилась с Пером Улавом, отцом Уильяма. Они не хотели венчаться в церкви, но у них было что-то вроде церемонии.

– Нас не пригласили, – подытожила Ветре. Она моргнула и тонкими указательными пальцами потеряла уголки глаз.

– Все, должно быть, произошло очень быстро, потому что я не могу представить, чтобы Аннетте легла с кем-то в постель, прежде чем их отношения не получили... благословения. Как вы понимаете, она не такая девушка.

– Да, кажется, на нее это не похоже.

Но счастье оказалось недолгим. Пер Улав умер сразу после рождения Уильяма. Из-за какой-то инфекции. В больнице не сказали ничего определенного. Случайность. Или воля Божья.

– Это ведь зависит от того, кого вы спросите, – задумчиво проговорила Ветре.

Андреас оторвал взгляд от записной книжки:

– Где находится община?

– В долине Маридален. В доме, который они называют Сульру. Нам с мужем не разрешают туда приходить. По словам Аннетте, никому нельзя посещать общину. Это какая-то их параноидальная идея.

Ветре вытянула пальцы, изучая свой безупречный красный маникюр.

Аннетте навещала родителей. Нечасто, но бывало. Может быть, ее трогали слезы матери, каждый раз когда та видела внука. Может быть, это были уколы совести из-за того, что она отказалась от хорошей жизни, устроенной для нее родителями. Но вот уже полгода как она не приходила. Ни слова за полгода.

– Я участвовала в дебатах на радио, где речь шла о девушках и абортах. Я против абортов. Вы вряд ли найдете кого-то в партии, кто был бы за, но я также считаю, что бывают ситуации, когда аборт может быть альтернативой. Очевидно, что Аннетте слушала эту программу. Она была в ярости, кричала и спрашивала, хотела бы я, чтобы она сделала аборт и не рожала Уильяма.

Ветре закатила глаза.

– Как будто это имело какое-то отношение к делу. Она решила, что я берусь судить творение Бога. Что я отступила от Бога. С тех пор мы не общались.

Она опустила глаза.

– В последние месяцы я звонила ей каждый день. Мы с мужем отправили ей бесчисленное количество сообщений. Мы умоляли ее подать хоть какой-нибудь знак. Дважды мы приходили к дому общины, но нас грубо выгоняли. Они ставят вдоль дороги своих людей. Охранников.

Она встретила взглядами с Фредриком.

– Из общины...

На улице Фредрику нашлось место под черным зонтиком Ветре. Они неспешно прошли вдоль каменного фасада Министерства охраны окружающей среды на улице Недре-Слоттсгате. Моросил летний дождь. Андреас отогнал машину обратно в полицейский участок.

– Что тебе известно об этой общине – «Свет Господень»? – спросил Фредрик.

– Помнишь Бьёрна Альфсена – младшего?

Фредрик покачал головой.

Бьёрн Альфсен лишился родителей и старшего брата в автомобильной аварии и, оставшись единственным наследником семейного концерна по лесозаготовкам, стал владельцем сотен миллионов. Если бы он хорошо умел обращаться с наследством, он бы и сейчас оставался одним из богатейших людей Норвегии. Но вскоре после смерти деда, в середине семидесятых, он продал все. Всего за несколько лет он умудрился промотать все семейное состояние. Вечеринки и неудачные инвестиции сделали свое дело. Он вложил крупную сумму в алмазную шахту в Южной Африке и все потерял. Альфсен сотрудничал с режимом апартеида, но местные бизнесмены обманули его. Начало восьмидесятых он провел в судах. Его преследовали банкротства и разъяренные партнеры.

Фредрик подумал, что это – проклятье богатства. Первое поколение зарабатывает деньги, второе поколение распоряжается ими, а третье – проматывает. На самом деле ничего необычного. Трудно ценить то, за что тебе никогда не нужно было бороться.

– Много лет он вел уединенный образ жизни, но в середине девяностых вдруг снова напомнил о себе в качестве влиятельного спонсора в общине пятидесятников².

– Значит, он снова разбогател?

– Не знаю. У таких богатеньких детишек ведь всегда спрятано под подушкой несколько крон. Он стал очень консервативен в вопросах морали. Начал предъявлять некоторые требования к общинам, которые поддерживал. На эти требования многие отреагировали негативно. Отношения переросли в конфликт, и он порвал с ними. Основал свою секту.

– «Свет Господень», – подытожил Фредрик.

– Он даже называет себя пастором.

Фредрик бросил беглый взгляд на фахверковые дома³ на площади Кристианиа-торв. Здесь располагались одни из старейших построек в городе, возведенные богатыми горожанами. Сегодня уже никто и не помнит, кем были те люди. Мимо прогремел трамвай, и асфальт под ногами задрожал.

– Я помню «Свет Господень». Это было лет одиннадцать-двенадцать назад. Они выступали с каким-то жестоким протестом, да?

– Да. Против общества, которое, как они считали, находится в моральном упадке, – сказала Ветре. – Они выступали против постройки мечетей рядом с больницами, где делали аборт. Они бойкотировали венчания гомосексуалистов и митинговали рядом с церквями, где служили священники-женщины. Они считали, что Бог нас накажет. Что Судного дня не избежать... Но потом они все-таки успокоились и исчезли. Честно говоря, я думала, что секта распалась.

Они остановились попрощаться перед Стортингом⁴ – там, где Кари Лисе Ветре провела значительную часть своей взрослой жизни. Всю жизнь на виду у людей. Фредрик подумал: каково это, когда твоя мать – общественное достояние. И действительно ли в этом все дело? Запоздалый детский бунт дочки политика?

– Почему вы называете это сектой?

– Потому что это и есть секта. Они верят, что владеют абсолютной истиной. У них сильный лидер. Они изолированы от окружающих. Считают себя пророками Судного дня.

Перечисляя каждый пункт, Ветре загибала пальцы.

– Это все как будто взято из учебника. Вы считаете, это хорошее место для воспитания детей?

И, не дожидаясь ответа, она протянула руку.

– Ну что же. Мне еще нужно выиграть выборы. Спасибо за вашу помощь. Мы это очень ценим. И мой муж, и я.

Она улыбнулась, точь-в-точь как по телевизору.

² Пятидесятники – последователи одного из протестантских направлений, возникших в нач. XX в. в США. В Норвегии миссионерская организация пятидесятников действует с 1915 г. – *Прим. ред.*

³ Тип здания с характерной расшивкой стен, возводимый по каркасной технологии. Распространен в Германии и странах Северной Европы. – *Прим. пер.*

⁴ Стортинг – норвежский парламент. – *Прим. пер.*

Глава 5

Пахло плесневелой землей и жареным беконом.

Фредрик открыл окно на застекленном балконе и, прищурившись, посмотрел вниз на узкий двор. Его окутал прохладный летний воздух, и грудь покрылась мурашками. Он перегнулся через балконные перила, двумя руками поднял хлипкие цветочные ящики и поставил на бетонный пол. Вонючая коричневая жидкость потекла между пальцев ног. Растения, на которых под летним солнцем должны были появиться сиренево-синие и красные цветы, поникнув, безжизненно свисали с ящиков. Стоял ранний июль.

В стекле балконной двери Фредрик увидел свое отражение. Из одежды на Фредрике были только светлые джинсы. После подъема ящиков заболело колено, и он заметил, что хромает. Лицо Фредрика было вытянутым, с очерченными скулами. Тонкие усы, пережиток молодости, загибались к уголкам рта. Он сбрасывал их пару раз, но никак не мог привыкнуть к своему образу без них. Из-под густых бровей смотрели узкие глаза. «У тебя взгляд старого лабрадора, – сказала она ему, когда он лег на нее снова. – Невозможно отказать». Он знал, что она любит собак, но ему не нравилось, когда его сравнивали с ними.

Фредрик остановился в дверях кухни. Последний раз он стоял как гость в собственном доме очень давно. Фредрик жил один, но его дом был не похож на холостяцкую берлогу. Столешница была чистой, посуда стояла в посудомоечной машине, а пустые бутылки сложены в полиэтиленовые мешки. Стены выкрашены в белый цвет, кроме «фартука» над плитой, выложенного в шахматном порядке кричаще-яркой оранжево-красной плиткой. Это была *ее* идея. Когда она уехала, Фредрик снял плакаты с Эйфелевой башней и дымчатой кошкой с лорнетом. Фредрик хотел повесить свои, новые. Желто-черная нарисованная от руки афиша: «Роллинг Стоунз» на фоне Альтамонтского парка⁵ в 1969-м. Фестиваль на острове Калвойя⁶ в 1977-м, где хедлайнером были «Смоуки» со спускающимся с неба самолетом. Но пока что стены пустовали. Она снова была здесь.

Она стояла у плиты – с ровной спиной, переходящей в большие круглые ягодицы. Он остановил взгляд на ее белых широких половинках. Одна из них была все еще красной. От ягодиц, как от устойчивого округлого основания якоря, вверх поднималась самая красивая часть ее тела. Анатомически идеальный изгиб поясницы с тонкой талией, напоминавшей по форме виолончель. Годы и беременности не прошли бесследно для ее тела: округлили его и оставили некоторые следы, словно волны в источенном кремне. «В самом соку», – разглядывая ее, прищурившись, подумал Фредрик.

– Что ты там разглядываешь?

Она перекинула волосы, небрежно собранные в хвост, через плечо, послав Фредрику подозрительный взгляд.

– О чем задумались, господин Бейер?

Элис повернулась, и он усмехнулся. В руке она держала лопатку для жарки. Элис была не совсем голой. Вокруг шеи и талии она повязала фартук – единственный на его кухне. На белом нагруднике, закрывавшем ее среднего размера груди, был изображен желтый танк, а под ним – серая голова трески. Это что, какая-то символика? В таком случае она ему непонятна.

Потом они ели в мирной тишине. После съеденного завтрака на тарелках оставались хлебные крошки, жир, следы яичного желтка и помидорные лужицы. Прихлебывая остывший

⁵ Имеется в виду Альтамонтский рок-фестиваль 1969 г., местом проведения которого стал расположенный в Калифорнии Альтамонтский гоночный парк. – *Прим. ред.*

⁶ Остров в Осло-фьорде. – *Прим. ред.*

кофе, Фредрик листал газету «Дагенс нарингслив», не вчитываясь в смысл. В гостиной играла музыка Дайаны Кролл из вчерашнего плей-листа. Работа по его составлению того стоила.

– Жизнь должна состоять из таких суббот, как сегодня, – сказала Элис.

Наклонившись вперед, она написала сообщение в телефоне и продолжила:

– У меня самолет через пару часов. Так что мне пора ехать.

Подняв голову, она скорчила ему мину. Он изучил ее взглядом. На бывшей жене был широкий красный топ, скрывавший ее формы. Сейчас она поедет домой в Тромсё, к Эрику. К своему новому мужу. У наружных уголков ее зеленых глаз от смеха проступали обаятельные морщинки, а на носу все еще можно было различить веснушки.

– Он понятия не имеет, что ты здесь?

– Что я сплю с тобой? Не думаю, что он может представить такое в своих самых, самых странных фантазиях.

– У тебя есть кто-то еще?

Элис моргнула, взмахнув ресницами.

– Ну конечно же нет, Фредрик.

Помедлив, она добавила:

– Должны же быть границы.

Элис оценивающе взглянула на него.

– А как дела с... ней? Как ее зовут?

– С Беттиной. С Беттиной все хорошо.

– Вы по-прежнему встречаетесь?

– Да.

– Вместе спите?

– Так точно.

– Замечательно! На нее можно положиться? – голос Элис стал выше почти на полтона.

– Вполне.

– Я забыла, чем она занимается? Она работает в полиции?

Он улыбнулся Элис. Он знал, что она знала.

– В центральном управлении.

– Ну конечно! Точно-точно.

Фредрик отодвинул деревянный стул, встал, собрал грязные тарелки. Ему захотелось сменить тему.

– Кстати, ты знала, что этот дом называется Хейнекегорен? Его назвали в честь построившего его архитектора Георга Хейнеке.

Элис вопросительно взглянула на него.

– С каких это пор ты интересуешься архитектурой?

– Мне всегда нравились красивые вещи, – сказал он, кивком головы показав в ее сторону.

Она пропустила это мимо ушей.

– Наш полицейский психолог рассказал мне об этом.

Элис обеспокоенно сморщила лоб, что ему ужасно не нравилось: «Почему он не рассказывал об этом раньше? Черт возьми. Сказал только теперь».

– Ничего серьезного. У меня опять было несколько приступов. Он считает, что это страх. Фредрик глупо улыбнулся.

– Он считает, что это связано со стрессом. Мне рекомендовали меньше работать. Так что отпуск будет очень своевременен. Жду не дожусь, когда увижу детей.

Элис посмотрела на него с сочувствием, как на беспомощного ребенка. Это значило: «Я знаю тебя. Знаю лучше, чем большинство людей. Лучше, чем все остальные. Я знаю, что живет внутри тебя».

– И как тебе этот психолог?

– Понятия не имею, я же ходил только для галочки.

Она вопросительно вскинула голову.

– Один из моих начальников оставил ему сообщение, что беспокоится за меня. Мне нужно было получить штамп, чтобы продолжить работу.

Элис надела дорогой прозрачный дождевик. Фредрик проводил ее в коридор.

– Ты поймешь, если я не приеду на похороны? Слишком долгий путь для меня и детей. Якоб и София едва с ней знакомы.

– Я на это и не рассчитывал. Я вполне справлюсь сам с похоронами матери.

Она дотронулась до его щеки.

– Беттина придет?

Он кивнул.

– Хорошо. Может быть, она все-таки не так плоха.

Элис выдавила улыбку, и они ненадолго обнялись на прощанье.

– Береги себя, Фредрик. Дети очень ждут тебя. Они скучают по отцу, знаешь ли. Позаботься о том, чтобы им было хорошо.

– Ага, – ответил он и хлопнул ее по ягодице.

Едва Фредрик успел открыть банку «Карлсберга», как зазвонил телефон. Он не стал подходить: пусть автоответчик сделает свою работу. Фредрик неспеша допил пиво и потянулся к мобильному телефону на столе.

Звонила Сюзанне Йоргенсен – его начальница, одна из руководителей отдела по борьбе с насилием и преступлениями, совершенными на сексуальной почве в управлении округа Осло.

– Фредрик, позвони мне. В общине Сульру произошло массовое убийство. Я отправила за тобой машину.

Глава 6

Тяжелые капли дождя ударили о лобовое стекло. Дворники молотили неустанно, стряхивая воду. Едва Фредрик успел взглянуть на просторы Маридалена, как их машина уже промчалась мимо.

Около развалин церкви Святой Маргариты на северном берегу озера Маридалсванне сидевший за рулем молодой полицейский выключил синюю мигалку и снизил скорость. Хотя с Иванова дня прошло всего две недели, стояли густые сумерки.

Даже заядлые велосипедисты остались дома этим вечером.

Они свернули с главного шоссе. Чуть выше на склоне поля заканчивались и начинался густой еловый лес, сквозь который пролегла гравиевая дорога. Через некоторое время синие и красные сигнальные фонари автомобиля осветили деревья. Полицейские остановились в конце длинной череды патрульных машин и карет скорой помощи.

– Спасибо, что подвез, – поблагодарил Фредрик и взял свой дождевик с заднего сиденья.

Воздух был холодным, и запах дождя перебивал запах сырой земли и мха.

Фредрик увидел, как кто-то низкорослый со светлыми нагеленными волосами машет ему, подзывая к пушистому еловому дереву. Это была помощник комиссара полиции Сюнне Йоргенсен.

– Добрый вечер, – сказала Сюнне на вдохе.

Сверкнув зажигалкой, она выпрямилась и сделала глубокую затяжку. Сигарета потрескивала. Ее круглое лицо с маленьким плоским носом и ненакрашенными глазами на секунду стало умиротворенным. Сюнне пыталась нащупать карман в дождевике, чтобы убрать туда пачку сигарет.

– А разве он добрый? – спросил Фредрик.

Она поморщилась.

– Творятся жуткие вещи, Фредрик. У нас пять трупов. Все люди убиты несколькими выстрелами в упор. С одним расправились прямо в его спальне. Он был в пижаме. Ни раненых, ни выживших нет.

Сюнне нащупала карман.

– Аннетте Ветре среди... – начал было он.

Сюнне перебила его.

– Нет. Все убитые – мужчины. Но пока ни один не опознан.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– И ты уверена, что это Сульру? А где остальные члены общины?

Она провела языком по сережке в нижней губе.

– Над входом в главное здание большими буквами написано «Сульру», так что я вполне уверена в этом. Но здесь – ни одной живой души. Община просто-напросто испарилась.

За три затяжки Сюнне выкурила полсигареты. Она затушила окурочек, снова достала пачку, засунула его туда и убрала пачку в карман.

– Пошли со мной, – сказала она, натянув капюшон на голову, и вышла в непогоду.

Они шли через лес по узкой грязной дорожке. Вскоре они пришли к изрытому участку земли, где одетые в дождевики полицейские толкались, исследуя место преступления, освещенное сине-белым светом мощных прожекторов. Участок был размером примерно с баскетбольную площадку. В конце его располагался белый особняк. Слева от него стоял небольшой красный амбар, а на мосту въезда в него двое унылых полицейских устанавливали палатку над тем местом, где лежали трупы.

Посреди поля лежали еще два трупа. Один на спине, другой на боку, с неестественно закрученными ногами. У обоих отсутствовала большая часть лиц.

– Когда это случилось? Кто сообщил? – спросила Сюнне, большими шагами обходя трупы и направляясь вместе с Фредриком к дому. – В 12:56 в аварийную службу поступил анонимный звонок. Очевидно, это своеобразная месть во имя Аллаха.

Сюнне оглянулась.

– У нас ушло некоторое время на поиски места. Сульру – это неофициальное название.

– Знаю, – пробормотал Фредрик, – значит, когда ты звонила...

– ...едва успела представить картину произошедшего. Себастиан едет. Мы всю забиили тревогу.

Над входом в дом, над деревянной дверью, висела широкая планка, на которой большими буквами было написано «Сульру». Внутри криминалисты поставили коробку с бахилами, латексными перчатками и марлевыми масками. Во всю стену узкой прихожей висела картина, на которой было изображено, как облаченный в белые одежды Иисус ступает в солнечном сиянии.

– Месь во имя Аллаха, – медленно произнес Фредрик, снимая дождевик. – Значит, это какой-то религиозный протест?

– Разве не ты говорил, что эта община была очень враждебно настроена к исламу? Что они устраивали демонстрации против мечетей и всего подобного? – спросила она.

– Говорил. Но ведь массовое убийство – это уже перебор.

– Есть кое-что еще, – сказала Сюнне.

Что за сумасшествие могло привести к тому, что кто-то разыскал общину посреди леса и перерезал людей как скотину? Стоя в коридоре, Фредрик задавался вопросом, что руководило убийцей, или убийцами. И тут полицейские увидели неровный ряд крючков и бирки с именами, выведенными печатными буквами так неуклюже, словно писал ребенок. Они что, остановились и читали? Пустовавший деревянный крючок был подписан: «Аннетте», а на соседнем, прикрепленном на высоте почти метр от пола, висела кепка из зоопарка, а на бирке – надпись: «Уильям».

Должно быть, когда они прокрались внутрь, стояла мертвая тишина. Наверное, они заглянули в детскую и увидели, как аккуратно разложены по полкам все игрушки, почувствовали запах зеленого жидкого мыла на кухне, пробрались через швейную комнату, где все для шитья лежало по корзинкам, а швейные машинки были предусмотрительно накрыты пластмассовыми крышками, чтобы чьи-нибудь маленькие ручки не поранились, если вдруг кто-то из девочек или мальчиков встанет раньше взрослых. У лестницы на второй этаж они, вероятно, поняли, что все спят.

Община была беззащитна, но это их не остановило. Они пробирались все дальше и дальше – туда, где были люди.

У лестницы висела свеженаписанная картина размером примерно полтора на полтора метра. На ней был изображен Иисус в терновом венце, с раной на лбу, из которой струилась, стекая по щеке, кровь. Увеличенное изображение лица произвело на Фредрика отталкивающее впечатление. Лик был выписан столь тщательно, вплоть до каждой поры, что каждый мелкий изъём бросался в глаза.

Это было не просто чувство, когда подходишь к кому-то слишком близко.

Это было нечто большее. Акт насилия, совершенный тем, кто решил, что это изображение должно висеть здесь. Эта картина была последним предметом, мимо которого проходили жители этого деревянного дома, отправляясь спать. Каждый вечер они проходили мимо страданий Иисуса. И каждое чертовое утро. Они не успевали даже почистить зубы или опорожниться, как им сразу напоминали обо всех мерзостях этого мира.

Верхняя часть лестницы переходила в широкий коридор: здесь повсюду остались следы убегавших от преследователей. Все двери были распахнуты, одежда и игрушки разбросаны вдоль стен, рамка с аэрофотоснимком хутора упала, и стекло разбилось.

– СМИ уже отметились? – спросил Фредрик.

– Нет. И мы стараемся не афишировать произошедшее. Я очень хочу сохранить контроль над местом преступления, прежде чем здесь начнут крутиться фотографы.

– Хорошо. Я должен предупредить Кари Лисе Ветре, пока до нее не дозвонились газетчики.

Они направились в комнату в конце коридора. Комната оказалась маленькой и старомодно обставленной. На окне висели белые кружевные шторы, на подоконнике цвела бегония. Одеяло лежало на полу. Хозяин комнаты – приземистый человек с бледным лицом, одетый в бело-синюю полосатую пижаму, – стоял на коленях перед кроватью, опустившись щекой на простыню. Его большие остекленевшие глаза уставились в пустоту.

– Это пастор Альфсен, – сказал Фредрик.

– Кто?

– Бьёрн Альфсен – младший. Он управлял общиной.

Склонившись, Фредрик стал осматривать труп. Голова Альфсена была с залысинами. Редкие седые волосы были коротко подстрижены. По эспаньолке Фредрик узнал в нем человека с фотографий, которые присылала ему Ветре. Прямо над правым ухом пастора была маленькая красно-черная дырочка. Матрас был залит кровью.

– Казнен за молитвой у собственной кровати, – сухо констатировала Сюнне. – И посмотри сюда.

Она достала шариковую ручку из нагрудного кармана и указала ею на смятую простыню.

Короткие пальцы пастора набухли: его запястья были туго перетянуты зеленым шелковым шарфом. Сюнне показала ручкой на шарф. Фредрик, прищурившись, разглядывал изящную белую вязь.

– Арабский, – заключил он.

Глава 7

Когда приехали криминалисты, Фредрик все еще находился в спальне Бьёрна Альфсена, изучая содержимое книжных полок. На самой нижней лежали толстые стопки старых записных книжек, распечатки интернет-страниц и копии агитационных листовок, призывающих бороться с безбожной клоакой, в которую, по мнению общины, погрузилась страна. Еще были рецепты еды, тексты псалмов и записи проповедей, а также покрытый пылью мобильный телефон.

Четыре средние полки, как ни странно, остались нетронутыми. На каждой стояло по две фотографии. Фредрик внимательно изучил их.

На всех снимках фигурировал пастор, но люди, с которыми он был сфотографирован, были все время разные. На одном из фото он был запечатлен погожим летним днем на фоне освещенного солнцем белого дома, где теперь лежал его труп. Рубашка в красную полоску растегнута на груди. Альфсен щурится на солнце. Некрасивый загар, кожа выглядит дряблой. Рядом стоят двое детей. Двое мужчин за тридцать. Мужчина и женщина. Аннетте и Уильям. Уильяму на вид два-три года – значит, фото сделано в прошлом году. Светловолосый улыбающийся мальчик в зеленых шортах и футболке стоит перед Альфсеном. Футболка с надписью «Господь – пастырь мой» ему явно велика. Загорелые руки пастора покоятся на плечах мальчика, а его мама сидит рядом на стуле и сжимает руку сына. Фредрик знал, что ей не больше двадцати семи, но рядом с властной фигурой пастора она выглядит совсем девочкой. Ясные глаза широко раскрыты и не сощурены от солнца, как у двух других людей на фотографии. Крупноватый нос отбрасывает тень на узкое лицо. Светлые длинные волосы Аннетте свободно ниспадают на плечи, на белое платье. Колени плотно сжаты, ноги – босые. Она была очень красивой. Молодая светловолосая копия своей матери.

Религиозные энциклопедии, книги псалмов и несколько Библий были сложены на верхней полке. Одна из книг выделялась. На потрепанном корешке золотыми буквами было написано *Die Bibel*⁷. Фредрик аккуратно достал ее и открыл. На внутренней стороне обложки кто-то написал старомодным почерком: «Professor E. Brinch. Unsere tiefste Danbarkeit. Der Wiener Gesellschaft für Rassenpflege. Wien 1936»⁸.

Фредрик повернулся к криминалисту, которая исследовала тело Альфсена. Она как будто спиной почувствовала на себе взгляд следователя.

– Он был убит как минимум двенадцать часов назад, – сказала она, тщательно осматривая труп. – Застрелен с близкого расстояния. Но контакта между орудием убийства и жертвой не было. Я бы предположила, что стреляли с расстояния от пяти до пятнадцати сантиметров.

Криминалист направила пинцет к входному отверстию со следами пороха.

– Мелкий калибр, но этого достаточно, чтобы пуля прошла сквозь череп.

Хотя лицо и тело криминалиста скрывала спецодежда, Фредрик узнал эту женщину. Он уже видел ее раньше на других расследованиях, но никак не мог вспомнить ее имя.

– Я переверну его и исследую выходное отверстие, но это займет время. Так что если у вас есть другие пред...

Тересе. Вот как ее звали. Тересе Грёфтинг. Вообще она судмедэксперт, но, по слухам, у нее такие патологические интересы, что она переучилась на криминалиста. Чуть за сорок, начальник группы экспертов, не замужем, растит сына-подростка.

Он проигнорировал ее слова.

⁷ «Библия» (нем.). – Прим. ред.

⁸ Профессору Э. Бринку. Наша высочайшая признательность. Венское общество расовой гигиены. Вена, 1936 год. – Прим. ред.

– Вы говорите по-немецки?

– Ну, вообще да.

Он пробубнил текст с внутренней стороны обложки Библии.

– Профессору Э. Бринку, – перевела она. – С нашей глубочайшей благодарностью. Подписано Венским обществом расовой гигиены Вена, 1936 год». Занятный антиквариат у этого пастора.

– Да уж, и мне так кажется, – согласился Фредрик.

Когда Фредрик снова вышел на террасу, стояла ночь. Какой идиллией все это могло бы быть. Солнечный летний вечер на лужайке посреди леса. Прохладные тени. В воздухе, пахнувшим смолой и грибами, улавливались ароматы свежескошенной травы, листьев малины и свежеприготовленного клубничного морса. Ему послышались детский смех, кудахтанье кур, тихий шум из кухни в деревянном доме за его спиной. А затем эти звуки сменились гулом генераторов.

Дождь перешел в изморось, облеплявшую тело, как мокрая фольга. Над трупами в саду поставили палатку, а рядом с амбаром установили еще одну – для начальства. Так почему же всех убили здесь, на улице? Почему не в своих комнатах, как пастора? Фредрик направлялся к лежавшим на лужайке трупам, как вдруг из палатки начальства прогремел знакомый голос. Это прибыл Себастиан Косс.

В самом крупном полицейском подразделении Норвегии было три бога в отделе по борьбе с насилием и преступлениями на сексуальной почве. Всемогущий отец всех и вся, комиссар Тронд Антон Неме. Он редко показывался, но всегда незримо присутствовал среди них. Он видел все, мог закрыть глаза на самые очевидные ошибки и при этом заметить малейшие недочеты.

Но Неме не любил пачкать руки. Для этого он выбрал себе двух помощников. Одна из них – Сюнне Йоргенсен. Она прошла все ступени синей униформы и теперь была на вершине карьерной лестницы. Вторым помощником был Себастиан Косс.

Статный мужчина, юрист по образованию, он никогда не скрывал, что просто одолжил полиции пару лет своей жизни. Он был создан для того, чтобы обладать властью, деньгами и влиянием. С накачанным телом, быстрым умом, гривой масляно-желтых гладких волос и узким безупречным лицом, он вполне мог бы иметь в интернете ник «Леголас»⁹.

Эту пару таких разных людей поставили руководить сложнейшей работой по расследованию дел об убийствах, насилии и прочей чертовщине, которую учиняли жители Осло и гости норвежской столицы.

В одном комиссар Неме мог быть уверен. Эти два инспектора никогда не объединятся против него. Полная противоположность друг другу, как инь и янь. Супермен и Лекс Лютор¹⁰.

– Йоргенсен! Какого черта здесь делает Фредрик Бейер? Твою мать, мы не можем позвонить, чтобы полицейские с неустойчивой психикой шастали по местам преступления! Я думал, что припарковал его за письменным столом в офисе в Грёнланне¹¹.

Косс говорил громко, зычным голосом.

Фредрик заглянул в приоткрытый вход в палатку и уткнулся взглядом прямо в спину одетого в штатское Себастиана Косса. Пара прыжков – и Фредрик оказался бы рядом с ним. Он мог настигнуть его всего в два прыжка.

– Позволь объяснить тебе одну вещь, ясную как день, – прорычала Сюнне, едва доставшая помощнику комиссара до груди. – Фредрик на моей ответственности. Я ему доверяю.

⁹ Один из героев трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец». Единственный представитель эльфов в Братстве Кольца. – *Прим. ред.*

¹⁰ Вымышленный персонаж комиксов, суперзлодей, заклятый враг Супермена. – *Прим. ред.*

¹¹ Район Осло с мультикультурной средой с преобладанием иммигрантского населения. – *Прим. ред.*

Так что иди к черту со своими... Их прервал громкий кашель Андреаса. Он стоял в палатке вместе с другими полицейскими, нашедшими здесь убежище от непогоды у столика в углу с большими полевыми термосами. Андреас ухмыльнулся и показал на Фредрика.

– И я рад тебя видеть, Косс, – мрачно сказал Фредрик.

Помощник комиссара проворчал что-то в ответ.

– Вот и отлично, – сказала Сюнне. – Все на выход. Фредрик, ты останься. Себастиан, – она строго посмотрела на коллегу.

Остальные полицейские неохотно потрусили мимо Фредрика к выходу из палатки. И только Андреас встретился с ним взглядом.

– Вот мудак, – пробормотал он достаточно громко, чтобы слышал Косс.

Фредрик с Коссом опустились за выцветший кемпинговый столик, на котором кто-то процарапал изображение члена с большими яйцами. Фредрик провел пальцем по неровной линии и поднял голову. Сюнне насыпала в чашки щедрые порции растворимого кофе и залила его кипятком из термоса, прекрасно зная, что Косс предпочитает чай.

– Это я нашел его, если ты не в курсе, когда он крутился вокруг мусорного ведра в комнате для допросов, не в состоянии о себе позаботиться.

Косс смотрел будто сквозь Фредрика.

– Ты что, не понимаешь, Сюнне? Парни болтают. В полиции народу нужно знать, где, кто и чем занимается. И мы все согласились с тем, что Бейера надо исключить из больших дел, которые могут... оказаться громкими. Он и сам ведь согласился с этим, насколько я помню?

Косс откинулся на спинку расшатанного стула и сложил руки на груди.

– Нельзя, чтобы там, где полно трупов, дрожали осиновые листья.

Сюнне покачала головой.

– Ты несешь такую невообразимую чушь, Себастиан. Фредрику поставили штамп, что он здоров. Ты это отлично знаешь.

Она перевела взгляд на Фредрика.

– Ты хочешь что-нибудь сказать?

– Нет. Ты попросила меня приехать сюда. Я приехал. Я ничего не имел против спокойного лета... – сказал он и повернул голову к Коссу, – за письменным столом в Грёнланне с моим делом об исчезновении. Только все дело в том, что женщина и мальчик, которых я ищу, жили здесь. Так что теперь это в некотором роде тоже *стало* моим делом.

Косс с недоверием уставился на Сюнне. Она тихонько покашляла, тем самым будто подтверждая слова Фредрика.

– В Сульру жила община «Свет Господень». Аннетте Ветре состояла в ней.

– Дочь Ветре из Христианской народной партии? Вот черт подери.

Спустя десять минут Фредрик и Андреас встретились на улице. Фредрик насмешливо изобразил, как мертвенно бледный Косс звонил комиссару Неме, чтобы сообщить, что дочь и внук одной из ведущих политиков страны бесследно исчезли. Новость приняли нехорошо.

– Сойдет для идиота, – тихо прорычал Андреас, направляясь к белой палатке на лужайке.

В палатке на коленях сидели два судмедэксперта, изучая труп, у которого сохранилось только полголовы. Его раздробленные ноги напоминали разбитый вдребезги часовой механизм. Один из одетых в белое людей поднялся и направился к Фредрику и Андреасу.

– Двое мужчин, обоим от тридцати до сорока, застрелены с относительно близкого расстояния из автомата. В первом две дыры, во втором – три. Это не считая пули, выпущенной в последнего, дабы помочь ему *раскрыть* сознание.

– Понимаю, – снисходительно отозвался Фредрик.

Он не завидовал работе этих парней. Черный юмор помогал им делать их дерьмовую работу. Обернувшись, Фредрик посмотрел на судмедэксперта. Оба трупа лежали босые, одетые в тренировочные штаны и футболки. И тела, и одежда были насквозь мокрые.

– Похоже, вам это будет интересно, – сказал судмедэксперт, показав кивком головы на несколько прозрачных пластиковых мешков, стоявших у одной из стен палатки.

В одном из них был перцовый баллончик. В другом – электрошоковый пистолет. Разряд, которым должны были обездвижить жертву, не был выпущен. Фредрик и Андреас переглянулись. Это оружие самообороны, запрещенное в Норвегии. С какой стати общине, находящейся посреди пустоши, приобретать себе такую вещь?

Глава 8

– Фредрик Бейер! Фредрик Бейер здесь?

Одетый в белое парень в круглых очках, откинув полог палатки, заглянул внутрь.

– Это я.

– Пойдем.

Он поспешил через лужайку к палатке на въезде в амбар и, войдя внутрь, остановился у мертвых тел. Жуткое зрелище. У Андреаса перехватило дыхание.

Перед ними лежал мужчина, верхняя часть тела которого свесилась с мостика заезда в ангар. Или же Фредрику только показалось, что это был мужчина. Он раньше никогда не видел человека, так сильно изрешеченного пулями. Кости были раздроблены, кожа и мышцы – разорваны. Свитер с капюшоном превратился в месиво из плоти и крови, а от лица ничего не осталось.

– Как минимум двадцать выстрелов с близкого расстояния из автомата. Очень агрессивно, – констатировал криминалист.

Фредрик, как загипнотизированный, уставился на изуродованное тело и лишь с трудом смог оторвать от него взгляд.

– Господи.

Он взглянул на Андреаса, который, побледнев, также стоял и рассматривал труп.

На бедре погибшего виднелся электрошоковый пистолет.

– Из него стреляли?

Криминалист замешкался.

– Не уверен. Мы еще не закончили с фотосъемкой.

Фредрик наклонился к изрешеченным ногам погибшего и увидел, что пистолет разряжен. Он посмотрел на криминалистов. Парень в очках подошел ко второму трупу.

– Пойдемте. Вот что я хотел вам показать.

Он спрыгнул с мостика заезда в ангар на траву. Фредрик последовал за ним. Криминалист обеими руками отодвинул в сторону большую бетонную плиту в основании фундамента. Тяжелая конструкция поддалась, но массивные петли при этом не издали ни звука. Бетонная дверь, заложённая камнями, сливалась с мостиком заезда. Примерно тридцать сантиметров в толщину, почти метр в ширину и высотой с Фредрика.

– Что за чертовщина? – спросил Андреас, бросив взгляд на коллег.

Криминалист вопросительно посмотрел на Фредрика.

– Да. Что это за чертовщина?

За грубой бетонной дверью оказалась еще одна – блестящая стальная, в которой Фредрик увидел отражение своего удивленного лица. Сталь была матовой, гладкой – ни единой царапины. Ручки на двери не было. Вместо нее – углубление посередине металлической поверхности. На дисплее мигали шесть зеленых звездочек.

– Она открыта?

– Похоже на то, – ответил криминалист.

Фредрик натянул резиновые перчатки. В углублении не было места для пальцев, и он попробовал толкнуть дверь от себя. Она не поддалась. И тогда он увидел, что на ней нет петель. Дверь была раздвижной.

Легкого касания углубления кончиками пальцев оказалось достаточно. За дверью раздался какой-то гул, и она мягко скользнула, как японская бумажная стена. Отлитая из добротной стали, эта дверь была вдвое тяжелее обычной. За дверью оказалось круглое, чуть меньше метра в диаметре, помещение без пола. Вместо него вниз в темноту уходила закреплённая

вдоль белой бетонной стены алюминиевая лестница. Параллельно лестнице вдоль стены шел ряд люминесцентных ламп, но они были разбиты.

– Вот, возьми.

Андреас медленно протянул Фредрику карманный фонарик. Он осветил в темноту. Ему показалось, что далеко внизу видно пол.

– Спускаюсь.

Фредрик зажал фонарик в зубах. Всего пара ступенек – и звуки сверху исчезли. Единственное, что он слышал, – скрип ступеней. Но чем дальше спускался Фредрик, тем сильнее менялись звуки. Сначала был слышен низкий металлический гул, затем щелчок и, наконец, свист сжатого воздуха. Эта звуковая последовательность повторялась с интервалом в десять – одиннадцать секунд. Еще несколько ступенек – и Фредрик был на месте. Ощувив под ногами твердый пол, он инстинктивно сжался. Фредрик взял в руку фонарик и осмотрелся. От оставшихся наверху коллег его отделяло примерно шесть метров. Справа в бетонной стене находилось отверстие, за которым в темноту уходил коридор. Звук шел оттуда. Фредрик не осознавал, что находится в подвале амбара. Землей, удобрениями и плесенью почти не пахло, но пахло чем-то другим, медицинским, как в больнице. Воздух был сухим. Здесь внизу было, наверное, минимум двадцать градусов. Прежде чем продолжить путь по коридору, Фредрик выключил фонарь и увидел какой-то проблеск. Он рассчитывал, что глаза привыкнут к темноте. Он прошел десять – двенадцать шагов, и коридор резко изогнулся. Он прислушался и заглянул за угол. Кромешная тьма, за исключением узкой полоски света. Как будто из приоткрытой двери.

Он подождал. Казалось, что свет оттуда мерцает в такт со звуком. На границе темноты и света, у основания пола ровные полоски света обрывались. Фредрик решил бежать вперед. Шумная дверь была оснащена вакуумным механизмом закрывания, который неприятно дребезжал, как будто ему что-то мешало. Дверь не закрывалась. Что-то лежало на проходе. Тюк. Похожее на тюк человеческое тело. Тяжелая металлическая дверь снова и снова ударялась об окровавленную голову. Фредрик поискал, за что ухватиться, и нащупал обмякшие плечи. Изо всех сил напрягшись, он перетащил тело через порог. Дверь захлопнулась, и стало темно. Фредрик наклонился, нащупал у человека пульс и послушал.

Черт.

Включив фонарь, он поспешил обратно к лестнице.

– Немедленно вызывайте скорую! У нас выживший!

Глава 9

Спасатели работали быстро и молча.

Фредрик и Андреас вместе с двумя полицейскими с автоматами, в шлемах образовали кольцо вокруг не подающего признаков жизни мужчины. Каждый из них направил свет своего фонаря на работающие руки врачей из скорой.

Раненый был одет не так, как другие жертвы. На трупах в саду не было обуви. Очевидно, спасаясь, люди одевались в спешке. А у этого человека были зашнурованы ботинки, на джинсах был застегнут ремень, и поверх рубашки надет тонкий свитер с V-образным вырезом. Это могло свидетельствовать о том, что он бодрствовал, когда пришел преступник. Что это значит? Они были знакомы?

Голову мужчины заслоняла спина спасателя в желтом, но Фредрик успел хорошо рассмотреть мокрое лицо пострадавшего, пока пытался помочь ему дышать в ожидании врачей. Мужчина лежал с закрытыми глазами. Из приоткрытого рта выбивалась красно-белая пена. Светлые волосы были выпачканы в крови. И только по тихому, прерывистому, хриплому дыханию можно было понять, что в этом теле теплится жизнь. На вид мужчине было около сорока. Фредрика затошнило от мысли, сколько пролежал этот человек, пока тяжелая металлическая дверь плющила ткани, хрящи и череп.

Удивительная воля к жизни. Он и раньше наблюдал это – изуродованные тела на месте преступления. Скрюченные и застывшие, их можно было принять за мертвецов, но глубоко внутри, в самых недрах, тлел огонек жизни.

Но стоило ли продолжать после этого жить?

И потом он тоже встречал таких «овощей», когда брал у них свидетельские показания. На реабилитации. По шрамам и пересаженной коже можно было догадаться, что их медленно восстанавливают с помощью стальных нитей и штифтов. Но их глаза, их тихие надтреснутые голоса, дрожь... Неловкая жалость родственников и друзей. Недержание и вонь от подгузников. Да ни черта. Ни черта оно того не стоит. Ни черта оно не стоит – такое возрождение.

– Что думаете?

Фредрик надеялся поймать взгляд врача скорой помощи, пока закрепляли ремни на носилках, но врач даже не посмотрел на полицейского. Вместо этого он сжал губы и покачал головой.

– Мы будем обыскивать остальную часть помещения с оружием. Это приказ Сюнне, – произнес Андреас и протянул ему полуавтоматический пистолет «Хеклер и Кох».

Фредрик почувствовал в руке тяжесть оружия в кобуре из синтетического материала. Он проверил магазин пистолета и надел через голову пуленепробиваемый жилет. Фредрик вспотел. До этого момента он не волновался. Но теперь он нервничал из-за оружия. Ему не нравилось ни ощущать пистолет на бедре, ни держать его в руках. Из-за этой неприязни к оружию он был плохим стрелком. Фредрик заметил взгляд Андреаса. Это был взгляд психолога. Коллега собирался задать Фредрику вопрос, но тот опередил его.

– Все нормально.

Полицейские с автоматами заняли места по обе стороны двери в коридоре. Надвинув забрала на лица, они ждали сигнала.

Дверь приоткрылась, тихо скрипнув, и их ослепил комнатный свет. Фредрик зажмурился, прежде чем снова открыть глаза. Двое полицейских уже проникли в помещение и передвигались перебежками вдоль стен с оружием наготове. Андреас стоял в дверях, держа пистолет на уровне груди.

Комната была размером со школьный класс. Стены и потолок выкрашены в ослепительно-белый цвет. Из люминесцентных ламп, расположенных на потолке в два ряда, лился

яркий свет. На полу, застеленном гладким серым линолеумом, были отчетливо видны следы крови. Вдоль стен стояли рабочие столы, усыпанные битым стеклом и уставленные реагентами, емкостями с пипетками, пинцетами, пластиковыми штативами и прочим лабораторным инвентарем. В шкафах над столами находились колбы, весы, прозрачные пластмассовые чаши и множество всевозможных склянок в пластиковых контейнерах. Под столами стояли холодильники и газовые баллоны.

Без сомнения, это была лаборатория. По царившему в ней беспорядку можно было догадаться, что здесь что-то искали. Еще одна дверь в другом конце комнаты была слегка приоткрыта. Полицейские ринулись в помещение.

– Все чисто! – прорычал один из них.

Фредрик снял жилет. Хотелось пить. Сердце колотилось в груди. Дыхание было частым и прерывистым. Он вспотел.

– Что это за чертово место, – громко сказал Андреас. – Оно явно не для молебнов.

Фредрик попросил полицейских сообщить Сюнне, чтобы та вызвала группу криминалистов.

– И кого-нибудь, кто разбирается в химии. Кого-то, кто сможет объяснить мне, что значит вся эта чертовщина!

Он опустился на колени перед одним из холодильников и аккуратно потянул дверь. Пусто. Проверил следующий, затем все остальные. Везде было пусто.

– Здравствуйте, это Кари Лисе Ветре, Христианская народная партия. Спасибо за ваш звонок. К сожалению, я не могу подойти к телефону, но вы можете отправить мне текстовое сообщение, и я свяжусь с вами. Если вы представитель прессы, можете связаться с моим советником Тиной Хольтен. Хорошего дня!

Глава 10

Герхард Мунсен сложил ладони перед собой и скользнул взглядом по конференц-залу. Он стоял молча поразительно долго.

– Политика, – начал он, – искусство возможного.

Мунсен, одетый в обтягивающий, сшитый на заказ костюм, поправил пиджак. Из-за озорного взгляда он выглядел моложе своих лет.

– Политика без результатов – не что иное как упражнение для мазохистов и бесконечный фуршет с канапе и болгарским красным вином.

Он услышал тихий смех. За круглыми столами сидели десятки политиков из Стортинга, руководителей партий и советников. Покинув сцену, оратор оказался прямо среди них и остановил взгляд на сидевших за столом перед ним лидерах партий.

– Я здесь, чтобы говорить о том, что требуется. Что требуется от *вас*. Что требуется, когда политики четырех гражданских партий впервые в истории нации должны объединиться и править страной. Вместе. Заниматься *реальной политикой*. Применять закон всемирного тяготения в политике. Проявлять умение отдавать, чтобы получить.

Заднеязычное «р» выдавало в его речи диалект¹².

– Правительство, в котором не все части аппарата власти признают этот закон, будет медленно пожирать само себя.

Его улыбка торговца обнажила белые как мел зубы.

– Пока в конце концов оно не падет замертво у ног мстительной оппозиции.

Он сделал паузу, а затем продолжил:

– Готовое к тому, чтобы его забили до смерти и сожрали.

Кари Лисе Ветре изучала лица сидевших в зале людей. Восемь лет *они* были грифами, оппозицией. Опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что они хорошо делают свою работу. От скелета правительства вскоре не останется и мелкой косточки.

– В тот день, когда мы сформируем правительство, все непреодолимые разногласия между нашими четырьмя партиями должны быть устранены. Потому что у политических сорняков есть кое-что общее: они пробивают бетон, а этого не потерпит ни одно правительство. Даже нынешнее.

Он снова замолчал.

– Об этом я и хочу поговорить с вами сегодня.

Он развернулся, словно танцуя танго, и пошел обратно к сцене.

– О том дне, когда мы сформируем правительство.

Что если они на самом деле выиграют на выборах? Тогда именно с этими людьми он будет править страной. Нет. Не править. Менять. Менять страну вместе. Премьер-министр должен быть из правых. Это понятно. Их больше всех. Она остановила взгляд на Симоне Риббе. Если можно считать, что у круглого стола есть конец, то там и сидел лидер правой партии «Хёйре». Его волосы цвета перца с солью были гладко причесаны, как у многих государственных деятелей, лицо было загорелым, а зубы – идеально вычищены и отбелены. На нем был галстук королевского синего цвета и темный костюм, сидевший на нем как спортивное трико на конькобежце. Будущий премьер-министр страны.

Риббе подмигнул Кари Лисе. У него был особый дар чувствовать, когда за ним наблюдают. Его глаза хищно сощурились.

Христианская народная партия собиралась бороться за то, чтобы ее лидер Вибекке Фисквик стала министром финансов. Толстая и добродушная, в ярком костюме рядом с Риббе она

¹² В западных диалектах Норвегии основной отличительный признак – заднеязычное «р». – Прим. пер.

была похожа на японскую иглобрюхую рыбу. Ее грудь покоилась на поверхности стола. Вибекке выросла в самом сердце фьордов западной Норвегии. Она представляла самое консервативное ядро партии. Выдержит ли она бремя такой должности – министра финансов? Ветре сомневалась в этом, но это сомнение она хранила как государственную тайну. Кари Лисе проиграла борьбу за руководящее место. Партия захотела выдвинуть Вибекке, и она должна совершить свои собственные ошибки, когда придет время.

Оратор, Герхард Мунсен, был легендой «Хёйре». Насколько она знала, он родился за границей, в Германии, но его родители были норвежцами, выходцами из среднего класса. Мунсен поступил в школу офицеров и сделал карьеру на флоте. В конце шестидесятых он удачно вложил свои средства, а в начале семидесятых, еще не завершив юридическое образование, стал миллионером-судовладельцем. Теперь он слыл баснословно богатым филантропом, известным своими щедрыми пожертвованиями. Молодые выскочки из «Хёйре» называли его участие в семинаре хеппенингом. Он был для них ветераном, стоявшим у истоков партии, с тех пор как «Хёйре» последний раз правили страной. Мунсен два года занимал кресло министра юстиции и восемь лет был членом Стортинга. Ветре прекрасно помнила, как он проигнорировал ее в коридорах парламента. Она была молодым советником. Он – *экс-министром*.

– Необыкновенно приятная сволочь, – сказал ее муж. Именно таким он и был.

Кто-то с силой ткнул Кари Лисе пальцем в плечо, что вывело ее из состояния задумчивости. Это оказалась Тина, ее советник.

– Вам нужно идти.

Глава 11

Из прорези в шапке-балаклаве на них смотрели глаза, в которых не было ни капли страха – только решимость. А потом экран засыпало снегом, и все почернело.

Они стояли в самой дальней темной комнате в подвале Сульру. Мигающий красный свет в верхней части двери говорил о том, что сработала сигнализация. Пол был выстлан приглушающим звук покрытием, а под рабочим столом гудел вентилятор. Пахло расплавленным пластиком и жженой пылью: запах цифровой лаборатории. На столе стояли четыре плоских монитора с поделенными на четыре части экранами. На них выводились изображения с камер видеонаблюдения, которые община спрятала повсюду в своем владении. Андреас потратил почти час, чтобы найти отрывок видео из амбара.

– Хорошая работа. Я сообщу Сюнне, – сказал Фредрик, хлопнув его по плечу.

– Спасибо, напарник, – ответил Андреас.

Напарники. Вот кем они были. Фредрик Бейер и Андреас Фигуэрас.

В попытке успокоить жаждущих результатов политиков комиссар Неме организовал то, что он сам называл «внутренними партизанскими отрядами полиции». Маленькие тактические подразделения. Они продвигаются в расследовании быстро и без бюрократии. Расследуют и раскрывают дела. Так называемая «команда разведки». Название вдохновило и политиков, и журналистов, и тем самым, на первый взгляд, была сделана половина работы. Газеты писали, что команда состоит из «опытных, ответственных и сформировавшихся как профессионалы следователей» с сердцем полицейского, бьющимся в интересах жителей города. А в полиции все знали, что на самом деле существует только три типа полицейских, сидящих, уплотнившись, в самом углу опенспейса в Грёнланне: неспособные, невезучие и впавшие в немилость.

Андреас определенно принадлежал к последней категории. Трудолюбивый следователь, один из лучших специалистов по допросам, аналитик, обожающий сложные дела. Но Андреас был еще и настойчив, как священник, а общительным становился только на праздниках и похоронах. Его карьера застыла в мертвой точке. Замерла. Отчалила, как шляха на второй день Нового года.

Фредрик причислял себя к невезучим. Приступы страха были его слабым местом, а слабость непозволительна в отделе, управляемом тестостероном. Но он хорошо служил в полиции много лет. «Хорошие следователи нам тоже нужны», – как-то сказала ему Сюнне, заплатив за ланч. Черт возьми, да что можно на такое ответить? Тогда-то и начались неудачи. Чтобы подсластить пилюлю, руководство разрешило ему самому выбрать себе напарника, и он взял Андреаса. Они были двумя старыми брюзгами, работавшими плечом к плечу так давно, что он едва помнил сколько. Вместе они прошли через убийства, похищения, насилие и трагедии. Вся эта чертовщина медленно отнимает у тебя жизнь, но между тем ты обретаешь друзей.

Быстро выяснилось, что «партизанам» полиции не доверяли серьезные дела. Вместо этого Фредрика как будто поставили на конвейер дел о поколачивающих своих жен мужьях, изнасилованиях на бытовой почве, жестоком обращении с детьми. Дел, в которых пострадавший был жестоко избит, а нападавший хорошо известен. Чисто символические расследования дел об изнасиловании. Быстрые дела, простые дела. Фредрик ненавидел каждый свой божий день, и Андреас ненавидел вместе с ним. Они были следователями, а не консультантами.

Но это всего лишь одна часть правды. Раз в сто лет попадались такие дела, которые снова заставляли его почувствовать себя полицейским. Ему встречались люди, пострадавшие от такой чертовщины, что он искренне желал им помочь: избитые до синяков дети и напуганные до смерти женщины. Сейчас он не в силах вынести даже мысль о еще одном таком дне, еще одном допросе с еще одним ребенком, преданным теми, кто предавать не имеет права. Это требовало слишком больших душевных затрат. Слишком много возникало вопросов, тре-

бующих ответов. Слишком много эмоций. Потому что он сам чувствовал себя одним из таких предателей.

И вот теперь – это массовое убийство. И он, черт возьми, не собирается отказываться от расследования.

Из лаборатории он услышал голос Сюнне:

– Это центральная сигнализация. Или как там она называется. Предполагаю, что вот тут он сидел. Тюфте.

Сюнне разговаривала с Себастианом Коссом, который пришел вместе с ней. Косс окинул коллег ледяным взглядом, и они встретили его взгляд также холодно.

– Тюфте? – Фредрик посмотрел на Сюнне.

– Судя по водительским правам, так зовут раненого. Ивар Тюфте. Сорок два года.

Сюнне посмотрела на мониторы.

– У нас есть фотографии?

Фредрик и Андреас показали им видео. Камера, заснявшая преступника, была вмонтирована над дверью в амбаре. Видео длилось от силы семь секунд. На изображении появилась темная фигура с автоматом. Человек остановился и подошел вплотную к объективу. Он был высоким и крепким. Его плечи опускались и поднимались в такт с дыханием. Спокойный взгляд из прорези в шапке-балаклаве был направлен прямо в камеру. Мелькнул баллончик со спреем, а потом его изображение сменил серый снег.

Черт. Фредрик чувствовал: в этом взгляде было что-то особенное. Что-то настораживающее, таящее опасность. Людей с таким взглядом стоит обходить стороной.

– Мы установили местонахождение всех камер. Пять – в доме, три – в амбаре и восемь – снаружи. Одиннадцать из них забрызганы жидкостью из баллончика, – сказал Андреас.

Сюнне скользнула по ним взглядом.

– Зачем маленькой общине шестнадцать камер видеонаблюдения? – спросила она.

– Насколько современное это оборудование? Где они его взяли?

– Камеры маленькие и весьма дорогие, – ответил Андреас. – Это штучный товар в отрасли. Их серийные номера приведут нас к продавцу.

Себастиан Косс все еще смотрел на забрызганный спреем экран. Фредрику было интересно, заметил ли Себастиан то же «штормовое предупреждение» во взгляде человека в маске, что и он.

– Но ведь здесь нет никаких табличек? Предупреждений, что территория под видеонаблюдением? Никаких вывесок «вход запрещен»? – резко спросил Косс, оторвав взгляд от экрана.

И он уловил самую суть. Люди, которые хотят жить спокойно, всегда вешают такие таблички. Обычно этого достаточно, чтобы держать любопытных на расстоянии. Но здесь камеры были встроены в стены и спрятаны в деревьях. Скрыты от посторонних глаз. Целью видеонаблюдения в Сульру было обнаружение угрозы, настолько серьезной, что вывески не играли никакой роли. Фредрик подумал об убитых, лежащих на улице. Даже несмотря на шестнадцать камер видеонаблюдения, у них ничего не получилось.

Фредрик вернулся в лабораторию. Криминалисты перевернули там все вверх дном. По тяжелому дыханию было слышно, как они усиленно работают. Фредрик махнул старшему.

– Мы отправим все на экспертизу, но я почти уверен, что ничего не найдем. Все, что мы исследовали, очищено и стерилизовано. Здесь нет ни пылинки.

Криминалист снял капюшон и бумажным полотенцем вытер подбородок пот, а затем, сложив его пополам, им же вытер и шею. Фредрик удрученно посмотрел на него.

– Все, что я могу сказать, – это лаборатория для производства, а не для проведения исследований.

Криминалист сел и жестом попросил Фредрика помочь ему снять костюм, потянув за сапог.

– Что вы имеете в виду?

– Здесь нет никакой литературы. Никаких записей. Везде установлено одинаковое оборудование. Здесь не проводили исследования.

Сапог растянулся, и в воздухе распространился тяжелый сладковатый запах пота.

– Это дает мне основания предположить следующее. Либо лабораторию вообще не использовали, либо община занималась здесь чем-то, что представляло серьезную угрозу для здоровья. Если это так, то этим объясняется чрезмерная чистота.

Фредрик почесал затылок.

– Если лабораторией не пользовались, – начал он, – почему здесь все перевернуто вверх дном?

Криминалист кивнул.

– Именно. У меня такая теория. Лаборатория действующая, и в этих холодильниках что-то хранилось. Какие-то лекарства или яды. Возможно, наркотики. Производство некоторых видов наркотиков очень опасно, если не знать, что делаешь.

Он развел руками.

– Как бы то ни было, либо лаборанты ликвидировали все вещества перед нападением, либо их похитили во время нападения.

Фредрик посмотрел на него.

– Лаборанты... – задумчиво произнес он.

– Одна из членов общины была лаборанткой. Аннетте Ветре.

На лестнице амбара Фредрика застал серый дневной свет. Пульсирующая головная боль предупреждала, что батарейка скоро сядет.

В палатке у стола с термосом ждали Сюнне и Андреас. Андреас протянул Фредрику чашку кофе. Он поднес ее к губам и подул. Его очки покрылись легкой испариной. Сквозь запотевшие стекла он рассмотрел только что вошедшую в палатку молодую веснушчатую девушку-полицейского, которая рассказывала, что все утро провела за обходом окрестных домов. Вертя в пальцах бумажный стаканчик, она застенчиво улыбнулась, заметив на себе взгляд Фредрика.

– Что сказали соседи? Они здесь вообще есть?

– Несколько жилых домов вдоль шоссе, в которых живут семьи с детьми. И еще, если пройти через лес, – небольшая ферма с северной стороны дома. Там живет пожилая супружеская пара.

И она показала в направлении фермы.

– Супруги рассказали, что община живет здесь уже много лет, но они никогда никого не трогали. По их словам, в общине от двадцати до тридцати человек, в основном молодежь и несколько детей.

– Черт, – вяло сказала Сюнне.

– Дети с родителями. Куда же они все подевались?

Глава 12

Колеса велосипеда проваливались в глубокие ямы, размытые дождем на гравиевой дороге. На последнем подъеме дороги от Хьельсоса к холму Хьярлихетсберге он сдался и слез с велосипеда. Его дыхание было тяжелым, сердце колотилось. С опушки леса доносился сладкий запах влажной земли, а над возвышавшимся перед ним склоном нависло свинцовое небо. Он промок и чувствовал себя подавленным и замерзшим.

Поднявшись на склон, журналист телеканала TV2 Йорген Мустю прислонил велосипед к скамейке в парке, посмотрел на мокрое сиденье и остался стоять. Встреча была назначена на шесть часов. Сейчас было пять минут седьмого. Йорген обвел взглядом озеро Маридалсванне, раскинувшееся в нескольких десятках метров внизу. Серые облачка, оторвавшись от туманной завесы над долиной, блуждали над морем, как отбившиеся от стада овцы, и исчезали у берега в районе Фриша.

Ожидавший, должно быть, стоял здесь уже долгое время. Но в темной спортивной одежде, флисовой куртке и лосинах для бега, он был почти незаметен между стволами деревьев. Йорген заметил его, только поднявшись на плато. Человек был высокого роста. В руке он держал спортивный рюкзак. Йоргена поразило, в какой хорошей форме тот был для своего возраста.

– Прощу прощения за опоздание, – сказал он. – Я был на встрече.

Йорген выдержал паузу.

– Я совсем не из тех, кто выбирается на велосипедные прогулки в такую погоду. Моя жена думает, что я завел себе любовницу, – сказал он, поглаживая себя по округлому животу.

Одетый в темное виновато улыбнулся.

– Будем надеяться, наша встреча окажется для вас полезной, – сказал он, открывая рюкзак.

– Вы знаете Аннетте Ветре?

Йорген покачал головой.

– Неважно. Вы знаете ее мать. Кари Лисе Ветре.

Мужчина многозначительно посмотрел на Йоргена.

– На этой флешке вы найдете две фотографии. На одной – Аннетте Ветре, на второй – Мухаммед Халед Умар.

Йорген, наморщив лоб, вопросительно взглянул на собеседника: он знал *этого человека*.

– Мухаммед Халед Умар час назад был объявлен в розыск в связи с тем, что пятеро человек были застрелены в местечке под названием Сульру, всего в паре километров отсюда, – сказал мужчина, показав головой в направлении Сульру. – В Сульру жила община. Они называли себя «Свет Господень». Аннетте Ветре состояла в ней.

Йорген испуганно уставился на него.

– Боже правый... Аннетте Ветре? Она мертва?

– Исчезла.

Собеседник Йоргена направился к лесной дороге.

– Успеваем к вечернему выпуску новостей?

Глава 13

Вена. Апрель 1937 г.

Он никогда никого не бил. А сейчас ударил ту, которую любил девять лет. Ударил раскрытой ладонью, со всей силы.

Грохотание тележек уличных торговцев и стук лошадиных подков по брусчатке на Малерштрассе заглушили звук шлепка. Отбили часы на Церкви Святой Анны. В маленькой квартире пахло мылом.

– Эльза, что ты натворила?

Его произношение едва отличалось от местного. Молодой норвежец слушал звучание собственного голоса, пока хрупкая женщина с опавшим животом не выпрямилась. Щеки Эльзы Шрадер пылали огнем. Голос звучал отстраненно, как будто между нею и мужчиной была стена.

– Профессор сказал, что ты именно так и отреагируешь, но это было мое решение. Это был мой ребенок.

– Это *наш* ребенок.

– Это был не ребенок.

Он резко скинул чемодан с постели. Его вещи разлетелись по полу. Одежда, книги, для которых он все-таки нашел место, обувь, набор для бритья и расческа. Расческа. Он присел на колени. Пошвырял вещи в чемодан. С ненавистью посмотрел на нее. С той ненавистью, которую всегда испытывает к предателю человек, которого предали. Женщина, обещавшая быть с ним всегда, ушла.

– Я родила уродку, Кольбейн. Ей сейчас лучше.

Эльза смотрела в пол, не осмеливаясь поднять глаз, пока он не схватил чемодан и не ушел.

Это были непростые роды. Акушерка и врач говорили, что не понимают, почему малыш так долго не появляется на свет. Мужчина много часов просидел в смрадной комнате ожидания. Медсестры сновали туда-сюда, успокаивали его, каждый раз проявляя глубочайшее почтение. Оба, Эльза и Кольбейн, были уважаемыми учеными и работали на *него*. На знаменитого профессора Элиаса Бринка.

Ее кончики пальцев все еще хранили нежное тепло детской кожи. Он чувствовал запах новорожденного тельца, и эхо настойчивого плача, которым младенец требует материнскую грудь, отдавалось в его ушах. Но Эльза была непоколебима с того самого момента, как она, в первый раз взглянув в кроватку, увидела непропорционально большую голову, щуплые конечности и огромный половой орган.

– Почему она не умерла? Почему появилась на свет? – разревелась Эльза. Вагоны стучали по рельсам. Весенний воздух, проникавший сквозь щелку в окне, пах удобрениями и свежеспаханной землей. Он видел простых крестьян среди виноградных лоз, мужчин с запыленными лицами с сигаретой во рту, залиvisto смеявшихся женщин на станции, воодушевленных предстоящей поездкой. Казалось, мир может быть только прекрасным.

Тучи над Европой сгущались. В крестьянской Норвегии было не место таким, как он. Так что пусть будет Лондон.

Глава 14

Лондон. Февраль 1943 г.

Липкий зимний туман смягчал очертания окрестностей. Кольбейн Име Мунсен торопливо шагал по брусчатке. Оставалось пройти немало погруженных во тьму улиц до его подвальной квартиры на Риджмонт-Гарден, и у него уже не осталось сомнений в том, что его кто-то преследует.

Им снова овладело отчаяние, ведь это случалось не в первый раз. Страх накатывал и раньше, оставляя в душе глубокие раны. Однажды он бежал в панике до тех пор, пока не перехватило дыхание. В другой раз он прятался в темноте от слепящих окон миллионного города. В последний раз он просто остановился посреди лондонской ночи, представив, что таким образом сможет противостоять собственному воображению. Ведь никакого преследователя не было. Почему кто-то должен его преследовать? Ведь никто ничего не знает.

Но этим вечером его опять колотила дрожь. Сегодня все было иначе. Он был уверен, почти полностью, что на этот раз не ошибся: кто-то за ним идет.

Он сунул руку в карман выцветшей куртки и нащупал костяную ручку гребня. Сжал ее так сильно, что гравировка с его инициалами впиалась в ладонь. Был бы это нож, а не этот нелепый подарок его отца к выпускным экзаменам – расческа. Кольбейн прибавил ходу.

Вечерняя лекция проходила в Галапагосской аудитории на факультете естественных наук Биркбека¹³. Хотя они и были коллегами, Кольбейн никогда не разговаривал со старым профессором, стоявшим на кафедре.

Нет, зачем самому именитому биологу университета тратить время на такого как он? На ничтожного магистра с навевающим сон отделением, занимающегося рептилиями амниотами? Иногда он размышлял, что за рептилией был он сам. Ящерицей, скорее всего. В Вене он щеголял, словно австралийская плащеносная ящерица – напыщенная, пестрая и самоуверенная. Но здесь он был один. Здесь нужно было сливаться с окружающей средой, как хамелеон. Никто не должен узнать о его прошлом. Никто не должен узнать. Это его уничтожит. На этот раз – навсегда.

Если бы лектор представлял, кто сидит на заднем ряду в Галапагосской аудитории, он был бы польщен. Ведь стареющий британец сам был новоиспеченным евгеником. Хотя так больше и не принято было называться. Своим учителем профессор считал Чарльза Дарвина, который утверждал, что теория эволюции применима не только к одноклеточным организмам, растениям и животным, но также и к человеку. Ведь Дарвин показал, что расы меняются, обретая в борьбе своеобразие. И это, разумеется, относилось и к человеческим расам и как нельзя лучше соответствовало теории естественного отбора – что арийская раса как единственная наиболее приспособленная, достигшая наивысшего интеллектуального и социального развития, должна править миром. Другое было бы просто насмешкой над эволюцией.

Впервые этот страх появился у Кольбейна во время лекции, когда он встретился взглядом с профессором, и тот, кажется, узнал его – возможно, вспомнив фотографию, статью или один из бесчисленных симпозиумов, где встречались поборники евгеники. Профессор перевел взгляд, но неприятное чувство от того, что его могли узнать, не покидало его.

Он поспешил вниз по каменной лестнице в подвальную квартиру. Достав из кармана ключ и вставив его в замок, Кольбейн замер как вкопанный: он увидел длинную тень. Тень принадлежала человеку, стоявшему на верхней площадке лестницы.

¹³ Исследовательское и образовательное учреждение в составе Лондонского университета. – Прим. ред.

Глава 15

Лондон. Февраль 1943 г.

– Нам надо поговорить, – прошептал низкий голос.

– Это ты! – тихо сказал Кольбейн.

– Наконец-то я тебя нашел, – ответил человек.

Они молча пошли пешком от Риджмонт-Гарден через Гайд-парк. Кольбейну пришлось напрячься, чтобы не отстать от почти двухметрового великана. Наконец они остановились напротив кирпичного дома эдвардианской эпохи в престижном районе Кенсингтон. Убедившись, что они одни, высокий мужчина открыл дверь.

Норвежец опустился на лавку в белой кухне.

– Нам понадобится вот это, – сказал его собеседник. Зашторивая окно, он потянулся так, что его сшитые когда-то на заказ поношенные хлопчатобумажные брюки едва не лопнули. Что-то зазвенело. «Гленливет». Односолодовый виски.

– Они следят за тобой, Кольбейн.

Шотландский акцент был тот же, как он его запомнил. Значит, он все-таки не сошел с ума. Его действительно преследовали.

– Они...? Власти...? Ты о чем?

Джон Монкленд Эктон пристально посмотрел на него, поставил на клетчатую красно-белую скатерть два стакана для молока, откупорил бутылку и налил в каждый на два сантиметра спиртного. Ухмыльнувшись, он ничего не ответил. Лишь ухмыльнулся. Так значит, это правда. Кольбейн сбился со счета, сколько раз Элиас Бринк в гневе обвинял Джона в шпионаже в пользу Британии. И всякий раз Джон с негодованием опровергал эти обвинения: «Я предан науке. Вам лично и науке», – заверял он Бринка.

– Говорят, ты теперь называешься магистром. Что ты исследуешь, если ты хочешь, чтобы я тебе доверял? – спросил Джон.

Кольбейн достал расческу и пригладил русые волосы. Осушив стакан, он откинулся назад и почувствовал, как тепло алкоголя разливается по всему телу.

– Рептилий амниотов, – тихо ответил Кольбейн. – Ящериц и тому подобное, – добавил он, хотя Джон, конечно, и без того знал, о чем он говорил.

И это даже не было ложью. У него уже была степень магистра – его первая, которую он получил, когда занимался исследованиями в Бергенском музее.

Великан недоверчиво посмотрел на Кольбейна.

– Так значит, ты просто все бросил? С твоим талантом? С твоей славой?

– Вена – это законченная глава, – сказал Кольбейн, осушив стакан.

Джон подлил виски.

– Я ушел в тень. Мне нужна была новая страна. Новый город. Без призраков. Без прошлого.

Шотландец взглянул на него.

– И как, получилось? Все с начала?

Кольбейн фыркнул.

Джон покинул Вену вскоре после Кольбейна. Когда разразилась война, он стал дешифровщиком в британской военной разведке.

– Я работаю в особом неофициальном проекте. Нам запрещено о нем рассказывать. И о том, чем мы занимаемся, и о том, с кем работаем. Мы живем на военном объекте, и нас редко отпускают. Сейчас я здесь, потому что они думают, что я навещаю свою беременную сестру. И даже моя семья не знает, чем я занимаюсь.

Джон посмотрел Кольбейну в глаза.

– Я должен был убедиться, что за тобой нет слежки и что за мной нет хвоста. Только тогда я смог подойти к тебе. Человека в моем положении могут отдать под трибунал только за то, что я обменялся взглядом с таким, как ты.

Эти слова заделали Кольбейна. «С таким, как ты». Как будто бы он ненавидел Элиаса Бринка меньше, чем какой-то самодовольный британец. Это было лишним подтверждением того, что он принял правильное решение – скрывать свое прошлое. Потому что они не поймут. Никто не поймет.

Шотландец замолчал, а затем продолжил.

– Наша работа – расшифровывать немецкие кодированные сообщения. По причине, которую я не могу тебе назвать, мы чертовски хорошо умеем это делать.

Он не хвалился. Его голос звучал, скорее, печально. Ему было нелегко говорить об этом вслух постороннему человеку, и Кольбейну стало интересно, почему тот доверился ему.

Джон поднял руку, словно прочитав его мысли.

– Сейчас поясню, – сказал он.

Он встал, подошел к висевшей у двери холщовой сумке и достал из нее толстый конверт.

– Помнишь?

В конверте лежала латунная рамка размером с книгу с черно-белой фотографией под пыльным стеклом. На узком паспарту извилистым почерком было написано: «Вена, 1931». Кольбейн провел пальцем по лицам на фото. Ему не нужно было считать, он знал: их было восемь. Семеро студентов и один профессор на фоне больших арочных окон главного входа в здание университета, спроектированного архитектором Генрихом фон Ферстелем в 1884 году. *Universität Wien*¹⁴.

На заднем плане слева стоял швед Ульф Плантенстедт с зачесанными назад темными волосами, в костюме в черную полоску и с наметившимся вторым подбородком. Рядом с ним стоял Томас – австриец, математик. Его лицо украшала борода-эспаньолка, а волосы были зачесаны на прямой пробор. Он держал во рту трубку, что придавало ему надменный вид. Рядом стоял и сам Кольбейн, с изящной прической и гладковыбритыми щеками. Он выглядел счастливым. И, надо признать, не таким уж самодовольным.

– Как давно это было, – задумчиво произнес Кольбейн.

– В апреле будет двенадцать лет, – ответил Джон.

Рядом с Кольбейном стоял Джон. Он был на голову выше других. Кудрявые волосы торчали из-под темной фетровой шляпы, вроде тех, что носили чикагские гангстеры. Лицо Джона было угловатым и уверенным. Последним в заднем ряду стоял Зигмунд – химик с красивыми темными кудрями, в круглых очках. Он был единственным человеком на фотографии в лабораторном халате.

– Ты что-нибудь о нем слышал? – спросил Кольбейн, показав пальцем на еврея на снимке.

Джон мрачно покачал головой.

– Я также беспокоюсь о том, что что-то могло случиться с Любовью. Судя по тому, что я слышал, Киев лежит в руинах.

Справа на переднем плане сидела крепкая советская женщина с лошадиным лицом. Ее светлые волосы были подстрижены «под пажа», а из-под бесформенного платья торчали толстые лодыжки. Рядом с ней сидел он. Профессор. Элиас Бринк.

Кольбейн тяжело сглотнул.

Бринк был центром фотографии. Он сидел, слегка подавшись вперед, его живые глаза горели. Шерстяной пиджак в клетку сидел на профессоре безупречно. Кольбейн хорошо помнил исходивший от пиджака запах лосьона после бритья «Лентерик». В руке профессор дер-

¹⁴ Венский университет (нем.). – Прим. пер.

жал диплом с надписью: «Премия Рудольфа IV за выдающиеся исследования, 1931. Профессор Элиас Бринк». Профессору было ближе к сорока. Остальные люди на фотографии были моложе.

Левая рука профессора лежала вдоль тела, рядом с рукой другой женщины, сидящей подле. Но даже если присматриваться, как много раз делал Кольбейн, невозможно было понять, касаются ли руки друг друга. Это была рука Эльзы. С прямой спиной и с плотно сжатыми коленями она позировала рядом со своим наставником. Ее взгляд был самоуверенным и игривым. Ее длинные волосы – заколоты наверх, так что была видна ее стройная надушенная шея, и только одна прядь спускалась на платье, в которое она была одета в тот день. У Эльзы было маленькое бледное лицо, узкий нос и большие чувственные глаза и губы. Чувственные – такими они были всегда. Боковой свет нежным контуром очерчивал ее грудь. Она была красива настолько, насколько некрасива была Любовь.

Над головами стоявших мужчин на фотографии тонкой тушью было выведено: «Венское братство сохранится! Вечная жизнь! Вечная слава! Ваш друг Элиас».

– Венское братство, – прошептал Кольбейн.

У него был такой вид, как будто он лицом к лицу столкнулся с привидением.

Глава 16

Лондон. Февраль 1943 г.

Насколько Кольбейн мог судить, Джон Монкленд Эктон был гением. Джона приняли в братство профессора Бринка для ведения расчетов, прогнозирования и вычислений для новейших расовых исследований. Джон никогда не был любимчиком Кольбейна. Шотландский парень из высшего общества был для этого чересчур самодовольным и самоуверенным. Теперь Кольбейн понимал, что просто боялся его. Боялся, что широкоплечий остроумный математик станет ухаживать за Эльзой и уведет ее у него. Но угроза пришла с другой стороны.

– В корреспонденции, которую мы расшифровываем, иногда встречаются личные сообщения, – сказал Джон, пристально глядя на Кольбейна. – «Гретель опять болеет. Скучает по отцу», – привел он пример. – Это может быть секретная военная переписка, кодовые имена агентов и операций. Но, как правило, эти сообщения – именно то, чем они кажутся: вести из дома. Некоторое время назад я расшифровал одно такое сообщение.

Джон повторил его на идеальном немецком: «Любимая Э. Я так горжусь. Работаю интенсивно. Результаты присылают быстро. Братство живет. Мои самые теплые пожелания тебе и малышу ЭГ. Э.».

Кольбейн заметил, что Джон пытается распознать его реакцию.

– Оно было отправлено 12 октября 1942 года из военной комендатуры Южной Норвегии на станцию «Гейдельберг».

Кольбейн сидел молча, ожидая продолжения. Он теребил расческу, перебирая пальцами тонкие зубцы из слоновой кости. Они звучали словно арфа.

– Смутные подозрения посетили меня еще в бункере. Но когда я вернулся в казарму, я все окончательно понял. Братство. Сокращения. Э и Э. И ЭГ. Элиас и Эльза. И малыш ЭГ.?

Взгляд Джона замер на Кольбейне.

– Эльза...

Он почувствовал ком в горле.

– Эльза забеременела еще раз. Вскоре после того как ты уехал из Вены. У них с профессором родился ребенок. Сын.

Сын. Ярость медленно впивалась в него ядовитыми зубами и наконец вцепилась, как комодский варан. Он неистово сжал кулаки, вены на шее вздулись, и он почувствовал, как лицо исказилось в гримасе.

Несколько зубцов расчески сломались в его пальцах и упали на стол.

– Я знал, что у нее есть ребенок, – ответил он, обессилив. – Эльза писала мне. Значит, родился мальчик? Здоровый?

Джон тихонько кашлянул, чтобы сгладить неловкость ситуации.

– Думаю, да. Он родился, когда братство распалось. Я видел его всего однажды...

– А она когда-нибудь упоминала о своем первом ребенке? Нашем ребенке?

Джон уставился на скатерть.

– Боже, я ненавижу этого человека, – прошептал Кольбейн.

Он поднял голову.

– Так значит...

– Бринк с Эльзой возродили работу Венского братства?

Джон кивнул.

– Я нашел три сообщения, в которых говорится об этом.

Он показал на конверт, в котором лежала фотография. Кольбейн достал из конверта тонкие шелестящие листы бумаги. На каждом был штамп с надписью большими буквами: «Совершенно секретно».

– Вот первое. Отправлено 2 июня 1941 года. Полгода назад, – сказал Джон, показывая пальцем на одно из сообщений: «Приношу свою глубокую благодарность. Жду встречи. Разные мысли и предложения. Э.».

– Той же осенью, 5 сентября: «Первая поставка пришла поездом. В Греции большие возможности. Результаты тестов соответствуют ожиданиям. Э.».

Джон переместил палец на последний лист бумаги.

– И вот, накануне нового года пришло следующее: «Локуста, E24G554. Э.».

– Локуста, – тихо произнес Кольбейн.

– Локуста, – констатировал Джон. – Вот почему надо торопиться. Поэтому я и вышел на связь с тобой.

Глава 17

– Пакистанцы, сомалийцы, афганцы, шведы и поляки. Что может быть общего в их культурах? Они все хотят смотреть свое чертово дерьмо по телевизору.

Новая параболическая антенна появилась на веранде дома прямо напротив здания полиции на улице Окебергвейен в Грэнланне. На девяти из двадцати балконов красуются огромные тарелки, направленные на юг. Сегодня они установлены у сорока пяти процентов жителей Осло. Самая точная статистика иммигрантов в городе, по мнению Андреаса.

Фредрик стоял в пустой переговорной на седьмом этаже недовольный тем, что считает антенны, вычисляет проценты и думает об Андреасе. Даже продолжительный ночной сон не изгнал из тела усталость после часов, проведенных в Сульру. Он потянулся, поправил на носу тяжелые очки и вдохнул теплый свежий летний воздух, едва проникавший сквозь приоткрытое окно. Приоткрытое ровно настолько, чтобы избежать попыток самоубийства.

За ночь непогода утихла. Теперь по небу плыли летние облака. Обычно в это время на светофоре на улице Грэнланнслейере скапливалось много машин в ожидании зеленого, но не сейчас. Не в последнюю неделю перед государственными праздниками. Всего пара машин промчались, обгоняя велосипедиста в трико и двух молодых девушек с голыми ногами, бежавших трусцой по тротуару.

Еще прежде чем за спиной открылась дверь, Фредрик услышал доносившийся из коридора баритон Себастиана Косса.

– Нам остается наблюдать за тем, во что это превратят СМИ. Пятеро убитых. Бесследно исчезла целая проклятая община. Версия об исламском следе выглядит чертовски убедительной.

Косс произнес «чертовски» с сильным акцентом на «ч»: «Ч-ч-чертовски».

Помощник комиссара полиции замолчал.

– А вот и Бейер, о котором я говорил.

Косс сделал шаг в сторону и подмигнул мужчине, шедшему следом, думая, что сделал это незаметно. Низкорослый, кудрявый, с кустистыми бровями спутник Косса решительными шагами пересек комнату.

Фредрик протянул ему руку, чтобы поздороваться. Мужчина крепким рукопожатием влажной ладони поприветствовал Фредрика. На шее у коротышки висел пластиковый значок с изображением королевского льва и тремя большими буквами: СБП.

– Самир Бикфая. Служба безопасности полиции.

Он произнес это быстро и отрывисто, с интонацией, которая выдавала, что норвежский – не его родной язык. Судя по виду коротышки, он был родом откуда-то из восточной части Средиземноморья.

– Очень приятно, – без особенного энтузиазма пробормотал Фредрик, опустив глаза. Следом в комнату вошла молодая стройная женщина, ростом по плечо Косса. Ее кожа была скорее смуглой, чем темной, а черные пышные волосы были зачесаны на прямой пробор. Лицо женщины было широким, с узким выраженным подбородком и круглыми скулами. Фредрик предположил, что она родом из Пакистана или Индии.

– А это Икбаль Кафа, – сказал Косс. – Она из аналитического отдела в СБП, подчиненная Бикфаи. Кафа – специалист по исламскому фундаментализму и терроризму. Я включил ее в твою команду. Она будет связующим звеном между полицией Осло и центральным управлением в этом деле.

– Вот как? – неуверенно произнес Фредрик.

Это был новый поворот в деле.

Выдержав паузу, Самир Бикфая сказал:

– Как вы понимаете, в СБП очень серьезно отнеслись к этому случаю. Работая вместе с полицией, мы сможем более эффективно работать с потоком информации, применяя наши общие знания и опыт.

Самир, может быть, и не учил норвежский с самого детства, но его речь была образцом типичного норвежского бюрократического пустословия. Говоря это, Бикфая положил руку на нижнюю часть поясницы молодой девушки-агента, где короткий пиджак сливался с обтягивающей юбкой. Та показала ему свой маленький кулачок, решительно откинула его руку и сделала еле заметный шаг в сторону.

– Кафа Икбаль, СБП, – представилась она.

Кафа посмотрела сначала на Бейера, а потом перевела взгляд на Косса.

– Икбаль – это моя фамилия.

– Вот как, – хмыкнул помощник комиссара полиции.

– Тут написано Икбаль Кафа, – сказал Косс, показывая на ее бейдж.

– А на двери вашего кабинета написано Косс Себастиан, – парировала она. Ее рукопожатие было крепче, чем ожидал Фредрик.

– Мы будем работать вместе. Очень рада этому.

Фредрик мрачно посмотрел на Косса.

Глава 18

Самир Бикфая предстал перед сотрудниками полиции. Когда он представлял аудитории свою точку зрения, его лицо было хмурым, а кустистые брови двигались.

– Община в Сульру находится в конфликте с одной из самых опасных религиозных структур в Норвегии, «Джамаат-и-Ислами». За этой организацией мы наблюдаем давно. Две недели назад ее главный лидер Мухаммед Халед Умар как сквозь землю провалился. Исчез.

Бикфая на некоторое время замолчал, но его мохнатые брови продолжали плавно подниматься и опускаться.

– Но начнем с жертв этого злодеяния – общины «Свет Господень».

Фредрик и Андреас сидели на заднем ряду в темной переговорной. Жалюзи были опущены, и только полосы солнца на подоконнике напоминали, что за окном – лето. В числе остальных присутствующих были следователи из Национальной службы уголовного розыска, СБП и полицейские из управления Осло. Всего не меньше шестидесяти человек. Кафа Икбаль сидела в первом ряду между Себастианом Коссом и Сюнне Йоргенсен.

Бикфая нажал выключатель около экрана, и в комнате стало темно.

– «Свет Господень» – это община, которая, как принято говорить, существовала в интернет-пространстве. У нее был сайт в интернете с конца девяностых годов.

На экране за Бикфайей появилась интернет-страница. Фредрик узнал фоновую картинку. Та самая отталкивающая картина с изображением Иисуса, которая висела на лестнице в Сульру. Но боже правый. Это изображение было еще ужаснее: картинка оживала. Кто-то очень креативный анимировал кровь, стекавшую по лицу Спасителя, так что в нижней части экрана постепенно образовывалась кровавая лужа.

Как и ожидал Фредрик, Андреас считал, что впускать молодую девушку-агента СБП в их маленькое болотце – плохая идея, и он, как мог, выразил свое отношение к этому. Сначала вздыхая и закатывая глаза, потом ответив на ее рукопожатие громким «шалом».

– В течение пяти лет «Свет Господень» организовала как минимум четыре тысячи выступлений. В интернет-газетах, на религиозных сайтах и различных дискуссионных форумах, – продолжал Бикфая. – Все это – грубые обвинения, оскорбления и угрозы от имени бога.

Бикфая сжимал в руке пульт, и было заметно, что, нажимая кнопку, он то слегка приседал, то выпрямлялся. На экране появилась подборка статей.

– Кроме того, они были заядлыми демонстрантами. Посмотрите сюда.

В статьях говорилось о демонстрациях, в которых принимал участие «Свет Господень».

– И сюда.

Как по мановению волшебной палочки, все статьи превратились в цифровую пыль, кроме одной. «Христианские фанатики дерутся с мусульманами».

Это история девятилетней давности из интернет-издания «Нэттависен». Несколько членов общины избили после демонстрации. В тот день они, вооружившись ведрами со свиными потрохами, выкрикивали лозунги перед зданием «Джамаат-и-Ислами» и мазали двери свиной кровью.

Вероятно, этот эпизод показался Бикфаи смешным, и начальник СБП тоненько засмеялся.

– Очевидно, это и спровоцировало пару юных исламистов. Они напали с битами. Несколько человек были избиты, в том числе пострадали несколько женщин. На месте происшествия также находились дети. Трое мужчин угодили в больницу, а двоих исламистов осудили за применение насилия.

Бикфая подошел к Кафе Икбаль почти вплотную, едва не прижимаясь к ней бедрами. Голос его стал глубже.

– Менее чем через год после столкновения с «Джамаат-и-Ислами» «Свет Господень» исчез из поля зрения общественности. Ни одного публичного выступления. Никаких демонстраций. Никаких обвинений. Мы изучили интернет-поведение общины за прошлые годы. Это было несложно.

Он заправил выбившиеся полы рубашки в облегающие брюки так, что ткань туго натянулась, выделив все скрытые под ней формы.

– И знаете почему?

Бикфая продолжил, не дожидаясь ответа.

– Потому что у них ничего нет. Ничего! Ни профилей в «Фейсбуке», ни в «Твиттере», ни даже жалкого адреса электронной почты. Занимавшая публичную позицию община ушла в никуда.

Он вернулся к экрану.

– Мы считаем, что это прямое следствие столкновения с «Джамаат-и-Ислами». Драка породила реакцию: угрозы, давление, о котором они, вероятно, никогда не сообщали в полицию. Началась долгосрочная вражда.

Бикфая показал на свою подчиненную.

– Фрёкен¹⁵ Икбаль пояснит.

Кафа Икбаль провела влажными ладонями по юбке и встала. Когда она повернулась к аудитории, Фредрик попытался читать по ее глазам. Молодая девушка-мусульманка из СБП. Ей, конечно, нелегко. Он не пожалел времени на проверку ее досье. Всего три с половиной года назад она сама патрулировала улицы Осло. Потом она ушла из отдела полиции в Грёнланне, получив одну из немногих желанных должностей аналитика в центральном управлении.

Фредрик знал, что молодые полицейские испытывают, мягко говоря, смешанные чувства к следователям по уголовным делам в гражданской одежде. Ходили слухи о том, как те любят поболтать или стрельнуть жевательного табака, ожидая, когда полицейские в форме опустят для них ограждения. Им редко приходилось попотеть, но они всегда жаловались, как им тяжело. Вероятно, она презирала их, а теперь сама стала одной из них.

Фредрик увидел, что Кафа сурово взглянула на Бикфаю. Ну и мудак! Фредрик представил себе, как Бикфая «предложил Кафе попробовать себя», погладив ее по спине – как только что объезженной кобыле, все еще парализованной ударом электрического тока.

– То, с чем выступала «Джамаат-и-Ислами», как и «Свет Господень», десять лет назад, свидетельствовало о молодости и незрелости их организации. Им не хватало лидеров. Сегодня все по-другому...

Фредрику, как и всем норвежцам, было прекрасно известно о «Джамаат-и-Ислами». Это была группка озлобленных юнцов, презиравших эту безбожную страну, в которой они родились. Они презирали всех мусульман, не таких, как они, и поэтому насмехавшихся над их богом. Они также презирали общество, требовавшее от них стать норвежцами, хотя норвежцами они никогда не станут ни в своих глазах, ни в глазах тех же норвежцев. «Джамаат-и-Ислами» хотели превратить Норвегию в Арабский халифат.

– Много лет они действовали в тени, прибегая к насилию над своими противниками и членам их семей. В их распоряжении находилось незаконное оружие. У нас есть информация, свидетельствующая о террористическом заговоре.

Кафа сделала паузу и снова провела ладонями по юбке.

– Но работа по сбору веских доказательств потребует от нас больших усилий.

Она взяла пульт и вывела на экран фотографию пастора Альфсена: он стоял на коленях у своей постели мертвый. Обмотанный вокруг его запястий шелковый шарф был полностью расправлен.

¹⁵ Обращение к незамужней женщине в Норвегии. – Прим. пер.

– Кто-нибудь знает арабский?

Несколько человек нерешительно подняли руки.

– Это переводится примерно так, – сказала Кафа и провела лазерной указкой справа налево¹⁶.

«Дай бороться за дело Божье тем, кто готов предпочесть жизни земной жизнь вечную. Тот, кто борется за дело Божье, падет или победит, будет щедро вознагражден».

Она оглядела собравшихся.

– Это из Корана. Цитата эта появляется в двух случаях. Ее используют исламисты, чтобы оправдать жестокость, и антиисламисты как доказательство жестокости, присущей исламу.

Себастиан Косс перебил ее.

– А здесь какой случай?

Она посмотрела на него, прищурившись.

– Ну, – ответила она, вздохнув. – Это же зависит от того, какую цель ставил перед собой убийца пастора.

Косс нервно кашлянул.

Явное недовольство помощника комиссара полиции в какой-то момент позабавило Фредрика. Кафа произнесла это с нескрываяемо снисходительной интонацией, но в то же время совершенно неагрессивно. Но потом до него дошло: кому придется работать бок о бок с этим самодовольным красноречивым полицейским бюрократом из СБП? Им, черт возьми, будет не Косс.

Между собравшимися разгорелось оживленное обсуждение. Выяснилось, что всем членам следственных групп, работающим над этим делом, предложили принять «даму-следователя» в свою команду, но те отказались. Они бы ни за что не согласились бы стать объектами прослушки СБП. Они знали, что за люди там сидят. Чуть за двадцать, в дизайнерской одежде, за компьютерами и с современным оборудованием для наблюдения. От этих ребят не было никакого толка, кроме как спровоцировать адвокатов запросить за свои услуги еще больше. Они не имели ни малейшего уважения к старой доброй работе полиции.

Фредрик не мог припомнить, чтобы Косс спрашивал его согласия. Так он заключил, что Кафа Икбаль была наказанием за преступление, которое, как считал Себастиан Косс, он совершил. Например, за то, что оказался в то же время в том же месте, что и Косс.

Застывший кадр изображения человека с камеры наблюдения в Сульру занимал половину экрана. Пристальный взгляд в камеру. Голова в шапке-балаклаве казалась чересчур вытянутой формы для тонкой шеи. Кафа нажала еще раз. В другой части экрана появилась паспортная фотография смуглого человека с живым взглядом, длинной бородой и гладкими черными волосами. От правого уголка рта к кадыку спускался неровный шрам.

– Это Мухаммед Халед Умар. Или эмир, как его называют. Имя при рождении – Рахим Раза Хуссейн. Тридцать четыре года, гражданин Соединенного Королевства. Последние три года живет в Норвегии. Одиннадцать лет назад эмир был осужден в Великобритании за неудачную попытку взорвать автомобиль. Тогда ему оторвало четыре пальца на левой руке: все, кроме большого. На память о том случае у него также остался шрам на лице. Он отсидел семь лет. Теперь он утверждает, что в тюрьме изучал ислам и стал правоверным.

Перенеся вес к мыскам, выступавшим за край площадки для выступлений, Кафа подалась вперед, так что кончики пальцев ее ног оказались за краем подиума. Фредрик поймал себя на мысли, что рассматривает молодую женщину. Ее изящные ноги были одеты в чулки, под юбкой проступали узкие накачанные бедра, а при ходьбе под плоским животом обозначалась темная ложбинка. Между грудей под облегающей рубашкой пролегала темная впадинка.

Он прикусил щеку и сглотнул.

¹⁶ Характерный для арабского языка способ письма и чтения. – Прим. ред.

– К сожалению, изображения с места преступления недостаточно качественные, чтобы делать какие-то выводы. Но, как вы видите, пристальный взгляд, большие глаза и вытянутая форма головы – это общие черты человека в Сульру и эмира. Наши специалисты, следившие за эмиром некоторое время назад, считают, что движения этих людей также похожи. Они на восемьдесят процентов уверены, что это один и тот же человек.

Кафа ехидно улыбнулась.

– И это лучшее, что мы имеем.

Прищурившись, Фредрик рассматривал фотографии. Это вполне может быть один и тот же мерзавец. Но также это может быть и кто-то другой.

Кафа снова нажала на кнопку. На экране появился еще один нечеткий снимок Мухаммеда Халеда Умара, разговаривавшего по телефону на кухне. Рукой, на которой отсутствуют все пальцы, кроме большого, он, как тюлень ластом, опирался на стол.

– Этой фотографии восемнадцать дней, и это самый свежий снимок с изображением эмира, имеющийся в нашем распоряжении. Он сделан в его квартире. Эмира не было там несколько недель. Он больше не посещает мечеть. Это дает нам основания предполагать, что он причастен к бойне в Сульру.

Следом на экране появилась копия страницы с фотографией норвежского паспорта. Его владельцу Мухаммаду Камбрани – широкоплечему мужчине с круглым подбородком – судя по документу, тридцать шесть лет, а его рост – сто восемьдесят четыре сантиметра.

– Эмир редко появляется где-то без Камбрани. Он всегда следует за ним по пятам. Камбрани родился в Норвегии, его родители – пакистанцы. Он вырос в Осло в бандитской среде и имеет две судимости за применение грубой силы и несколько судимостей за наркотики, кражи и сокрытие краденого. Сегодня он выступает в роли телохранителя и друга эмира. Как и его господин, он утверждает, что вернулся к исламу.

Кафа почти неслышно выдохнула через нос.

– Оба находятся в розыске.

Глава 19

Сюнне Йоргенсен стояла у края овального стола. Она выкладывала на белую столешницу фотографию за фотографией и комментировала каждую.

Хенрик Грёвн.

– Двадцать пять лет. Убит на лужайке двумя выстрелами в грудь из автоматического оружия.

Нильс Бернт.

– Тридцать четыре года. Убит на лужайке тремя выстрелами из автоматического оружия в грудь и лицо.

Рабочие места Фредрика и Андреаса находились в центре опенспейса, рядом с высоким столом для переговоров. Неубранные столы, компьютерные провода, обложки, кипы документов и новомодные обтянутые красной тканью диваны – повсюду царил беспорядок. Рядом со столом стояла большая доска. Фредрик снял с нее старые фотографии, карты и планы. Новое дело нужно начинать с чистого листа. Со свежей головой. На чистой доске.

Вигто Юхан Фарульвен.

– Тридцать девять лет. Убит выстрелами в грудь, конечности и лицо на мостике заезда в амбар. Двадцать два или двадцать три выстрела из автоматического оружия.

Брюнъяр Лиссеуен.

– Тридцать шесть лет. Убит выстрелом в грудь из автоматического оружия на въезде в амбар.

Бьёрн Альфсен – младший.

– Шестьдесят четыре года. Убит в спальне выстрелом в голову из малокалиберного оружия.

Ивар Тюфте.

– Сорок два года. Тяжело ранен. Лежит в больнице в Уллеволе¹⁷. Повреждена голова и верхняя часть тела. Найден в амбарном подвале.

– С этого момента они – наши работодатели, – сказала Сюнне, положив на фотографии свои мальчишеские руки.

Она переводила взгляд с одного коллеги на другого. Следователи из Национальной службы уголовного розыска исчезли. Остальные полицейские стояли вокруг нее.

Фредрику нравился метод Сюнне Йоргенсен. Холодное, без прилагательных описание людей, чьи лица смотрели на них с поверхности стола: «Место рождения. Профессия. Дети. Семья и образование». Здесь были черно-белые фотографии на паспорт и семейные, вынутые из альбомов. Лаконичность описаний, данных Сюнне, заставляла воображение полицейских работать. Кто же тот молодой человек, сидящий с родителями на веранде в теплый день норвежского лета? Загорелый, улыбающийся, с колой, за столиком в ресторане где-то на юге. Кто тот человек, высунувший голову из окна старого фольксвагена? Побег на семейном древе, который внезапно сломали. Молодые полицейские считали такой метод мотивирующим. Для полицейских постарше этот метод позволял расставить акценты. Он нес в себе напоминание о том, что жизнь часто обрывается, когда меньше всего этого ожидаешь. Но в отделе по борьбе с насилием полицейского округа Осло к этому вопросу не стали относиться более философски.

– Варульвен¹⁸? Его правда зовут Варульвен? – вполголоса прошептал Андреас, вытянув шею вперед и обращаясь к веснушчатой девушке-полицейскому, той, что опрашивала соседей рядом с местом преступления.

¹⁷ Район в Осло. – Прим. ред.

¹⁸ Varulven – оборотень (норв.). – Прим. пер.

Она раздраженно посмотрела на него, но по тому, как она прикусила кончик языка, можно было догадаться, что она оценила его внимание.

– Фарульвен, вы все правильно расслышали.

Ухмыльнувшись, Андреас подмигнул ей. Сюнне проигнорировала это и пустила по столу новую стопку фотографий.

– У нас нет полных сведений, но мы предполагаем, что община «Свет Господень» насчитывала от двадцати до тридцати человек. В нее входили дети, мужчины и женщины. У каждого из них есть родители, братья и сестры, которые сейчас пребывают в отчаянии и не знают, что думать. Их похитили? Они убежали? Они убиты, и их тела где-то спрятаны?

Сюнне достала пачку сигарет из нагрудного кармана просторного офисного пиджака, что означало, что она уже заканчивает свою речь.

– Перед нами – масштабное преступление. Пресса будет преследовать нас круглые сутки. Министерства, полицейский директорат¹⁹ и всякий политик с популистской жилкой будут пристально следить за нашей работой. У нас мало времени. И мы не можем позволить себе ошибиться.

До этого момента убийства в Сульру мало кого касались: только жертв, преступников и полиции. Но теперь собак спустили с поводка. Фредрик вздрогнул, увидев вчерашним вечером выпуск новостей на TV2.

Они не только знали, что дочь и внук Кари Лисе Ветре пропали. Они также знали, что применялось автоматическое оружие, и утверждали, что основной версией полиции была версия о конфликте с исламской группировкой. Утечка информации в прессу не была делом незаурядным. Необычным было обилие деталей, а это значило, что у TV2 есть очень хороший источник.

Но была и еще одна причина, не дававшая Фредрику покоя. Все, кто владел информацией, обнародованной каналом TV2, прекрасно знали, что полиция нашла в тайном подвале подземную лабораторию. Так почему тогда о подвале не упомянули ни единым словом? Возможно ли, что журналисты TV2 знали о подвале, но по какой-то причине не захотели о нем упоминать? Но журналисты терпеть не могут упускать новости. Они бы не стали приберегать эту новость на потом. Нет, в это объяснение он не верил. Тогда оставалась только одна причина. Причина, пугавшая его. Источник знал о лаборатории, но скрыл это от TV2. Так в чем была причина? Если только источнику не было известно о том, *что* происходило в лаборатории... Тогда получается, он знал больше полиции.

А в таких вопросах только двое знают больше, чем полиция. Жертвы и преступник.

¹⁹ Государственный орган, подчиняющийся Министерству юстиции и осуществляющий руководство службой полиции Норвегии. – Прим. ред.

Глава 20

– И их стало трое. Трое негрятят. Или, по крайней мере...

Сюнне бросила на Андреаса испепеляющий взгляд, и тот замолчал. Он усмехнулся, ища поддержки у Фредрика, но тот отреагировал ледяным молчанием. И хотя Андреас и Фредрик не допускали мысли о том, что их слаженный тандем можно разрушить, ни один из них не позволил бы себе издевку над напарником.

Кафа сидела в боковой части красного дивана, подперев руками голову.

– Ну что ж. Как вы знаете... – начал Фредрик, пытаясь поймать ее взгляд, – ...мы полностью погрузились в расследование этого дела, так как пропавшие Аннетте Ветре и ее сын оказались среди исчезнувших членов общины.

Фредрик повернулся и пристально посмотрел на Андреаса.

– Чтобы выяснить, сбежала ли община или их похитили, мы должны знать, что за жизнь у них была до того, как они исчезли. С этим нам поможет Кафа.

Сюнне взяла слово.

– Мы изучаем все: финансы, пользование телефонами, платными дорогами... Разыскиваем друзей и знакомых членов общины, врагов и товарищей. Расследование ведет полиция Осло. Если потребуется, можно запросить результаты экспертизы из Национальной службы уголовного розыска и СБП. Над делом работают более пятидесяти следователей. Как сказал Фредрик, будет логичным, если вы сосредоточитесь на Аннетте Ветре. Если мы найдем ее, то, скорее всего, найдем и остальную общину.

Обгрызленным ногтем она ткнула в одну из фотографий на столе: лаборатория в Сульру.

– Фредрик считает, что ответ на вопрос, почему на них напали, находится здесь. Зачем им нужна была лаборатория?

Андреас не мешкал с ответом.

– Наркота. Христиане – не христиане. Бьюсь об заклад, наркота.

Андреас строил свою версию, оперируя одним из самых распространенных инструментов полиции – опытом. Хоть раз они находили лабораторию, которую не использовали бы для производства незаконных веществ? Нет. Если все было так, как предполагал Андреас, это стало бы ответом и на другой вопрос. На какие средства жила община? Тридцать взрослых и детей на маленьком хуторе в лесу. Никто из них не работал. Никаких доходов. Недостаточно собирать только красную смородину и сливы. А такой лабораторией они могли полгорода обеспечить наркотиками.

На улице из-за облака показалось солнце, и жалюзи, работавшие от пульта дистанционного управления, вернулись на место, отбрасывая тень на лицо Андреаса.

– Та женщина, политик... – начал он.

– Кари Лисе Ветре.

– Точно, Ветре. Она сказала, что Альфсен стоял во главе секты, а не общины. Теперь я увидел, где он жил, где спал. Картины, которыми он украсил свою спальню. И знаете, что я думаю?

Андреас наклонился вперед и постучал указательным пальцем по столу.

– Я вижу старую свинью, окруженную молодыми мальчиками и девочками, которые холят ее. Может, он педик? Или любил трахать детишек?

Андреас остановил взгляд на Кафе, как будто хотел убедиться, что ее не трясет от его выражений.

– И потом, могли начать с малого. Производить наркоту для себя и своих сексуальных оргий и постепенно раскрутиться.

– Так... – прервала его Сюнне. – Почему на них напали?

– Они занимались бизнесом с нехорошими людьми. «Джамаат-и-Ислами» – не первая исламская организация, финансирующая свою деятельность при помощи наркоторговли. На нити между производителем и дистрибьютором завязался узел, старая вражда выплыла на поверхность, кто-то пришел в бешенство. Они опустошили весь склад и забили всех, кто пытался их остановить. Разве не ты говорила, что этот Камбрани, телохранитель, был осужден за наркоту?

Андреас направил указательный палец на Кафу.

Заблудившаяся в мрачных бетонных стенах здания полиции муха жужжала возле кофейного пятна на столе. Кафа поймала ее и сжала в кулак.

– «Джамаат-и-Ислами» управляют люди с криминальным послужным списком. Я бы не удивилась, если бы они оказались причастны к наркоторговле, – сказала она, помедлив.

У Кафы был такой сосредоточенный вид, будто она пыталась понять, трепыхается ли еще муха.

– Допустим, христианские фундаменалисты и исламская община объединяются для тайной наркоторговли, но между ними разгорается старый кровавый конфликт. Это немного... – уголки ее рта выпрямились, – ...притянута за уши.

Кафа раскрыла ладонь. Муха была мертва. Она взяла ее за крыло, положила на пол и наступила. Фредрик не понял, действительно ли он слышал, или ему только показалось, как хрустнуло ее тельце. Андреас неслышно барабанил пальцами по столу.

– К тому же многие вопросы остаются без ответа, – продолжала Кафа. – Если за всем этим стоят обычные бандиты, почему они сообщают об убийствах? В чем смысл исламской символики? Где остальные члены общины?

Кафа медленно покачала головой, приподняла ногу и стала изучать муху.

– Эмира отличают жестокость и решительность. Но разорвать все отношения по торговле наркотиками...

Она закусила пухлую нижнюю губу так, что та побелела.

– Во всяком случае, это было бы что-то новенькое.

Кафа подрезала крылья версии Андреаса.

Глава 21

Свежевырытая могила находилась в тени. Вокруг нее стояли пришедшие на похороны. Фредрик узнал всего несколько лиц – пару друзей матери из миссии, священника с узким лицом и серебристой бородой и Беттину.

После того как двадцать лет назад умер его отец, Фредрик остался вдвоем с матерью. Ни братьев, ни сестер, ни одного родственника, достойного упоминания. Элис и внуки ее мало интересовали. Фредрик навещал мать раз в неделю, сначала в квартире на Фрогнере, потом в доме престарелых. Их разговор завершался задолго до того, как заканчивался кофе в маленькой чашке с тонкой ручкой. Пока мать была жива, он никогда не задумывался о том, как мало у них общего, но такова жизнь. К этим визитам он относился как к мытью рук или походу в туалет. Это было необходимостью. Он делал это без радости или печали, но не делать это казалось ему неправильным. Теперь, когда ее не стало, он вдруг понял, что они всегда так жили. В детстве она была не столько родителем, сколько опекуном – справедливая и благожелательная ко всем. Но он понял, что никогда не знал женщину, которая была его матерью. Он не знал, какое у нее любимое блюдо, с кем она ходила в церковь, какие книги читала и читала ли вообще. Так кто эти люди, пришедшие попрощаться? Он понятия не имел, кого она считала своими близкими, а сама она никогда не рассказывала.

Он не будет по ней скучать, но ему будет не хватать поездок в больницу в Стейнеруде²⁰. Пейзажей быстро сменяющих друг друга времен года. Садов и дорог, дуба во дворе и душевнобольной женщины в палате в конце коридора. Когда он в минуту близости рассказал об этом Беттине, она крепко сжала его руку и взволнованно посмотрела на него. Теперь у могилы она еще сильнее сжимала его руку, будто хотела выжать из Фредрика слезы.

Дом приюта с плоской крышей стоял стена к стене с часовней. Мебель пахла корицей и сладковатыми дамскими духами.

За фигурами собравшихся на поминки стариков Фредрик разглядел маленький портрет матери у камина. Он был сделан шесть лет назад – тем летом, когда они поняли, что она больна.

Надо было отказаться от предложения Беттины устроить поминки. Теперь он укоризненно смотрел на нее через кухонный проем. Он никогда не видел ее такой прежде. Темные волосы, обычно распущенные, были собраны серебряной заколкой, на шее висела нитка жемчуга. Простое черное платье, незаметно ушитое в талии, чтобы подчеркнуть линию ягодиц, доходило ей до лодыжек. Татуировка с изображением орла на плече была прикрыта шелковой шалью. Она стояла рядом с пожилой дамой, склонившись над термосами с кофе. Фредрик вздохнул. Новый костюм был слишком тесен в плечах. Воротник хлопчатобумажной рубашки сдавливал шею, затянутый галстук сжимал горло. Беттина посчитала, что этот костюм будет самым подходящим и ему стоит потратиться на него, ведь, как бы там ни было, это похороны его матери.

Беттина была уже немолода, но и не так стара, как он. Залегшие под глазами тени и обаятельные морщинки в уголках век теперь останутся навсегда. Он подумал, не подключить ли телефон к старенькому музыкальному центру. Немного музыки не повредит. Том Уэйтс прекрасно подходит для похорон.

– Фредрик Бейер, я полагаю?

Фредрик удивился, что не узнал его на кладбище. В элегантном темно-синем костюме, стильных очках, с белоснежными зубами, он выделялся среди других стариков. Это был Гер-

²⁰ Район в Осло. Здесь находится больница Дома милосердия, в состав которой входит центр для лечения душевнобольных. – *Прим. ред.*

хард Мунсен – бывший министр, судовладелец и ветеран партии «Хёйре». Они пожали друг другу руки.

– Это я. Вы знали мою мать?

– Скорее, я был знаком с господином Бейером. Я познакомился с вашими родителями много лет назад. Вы тогда только научились ходить. Ваши родители произвели на меня сильное впечатление.

Фредрик опешил. Закрытый и сдержанный – наверное, так бы он охарактеризовал своего отца. Не тот человек, который производит впечатление. Может быть, он имел в виду его *мать*? Она была красивой.

– Одно время я много общался с вашим отцом. И по работе, и в жизни. Наши супруги тоже были знакомы. Элизабет, моя жена, очень любила Гунхильд.

Фредрик слабо улыбнулся.

– Элизабет... ваша жена тоже здесь?

– Элизабет, к сожалению, очень больна. Но она очень хотела, чтобы я присутствовал.

Они еще раз обменялись рукопожатием.

– Спасибо, что пришли.

Мунсен не выпускал его ладонь.

– Если я правильно понимаю, вы работаете вместе с моим сыном?

Фредрик вопросительно взглянул на него.

– Себастианом. Себастианом Коссом. Над тем жутким убийством в Маридалене.

Фредрик даже не попытался скрыть изумление.

– Правда? Себастиан Косс – ваш сын? Никогда бы не подумал.

Он неестественно улыбнулся.

– Мы живем в маленькой стране.

Старый судовладелец тихонько вздохнул. В его взгляде читались отстраненность и усталость. Он выпустил руку Фредрика.

– И правда маленькая страна, – повторил он.

– Слушай, Фредрик.

Он открыл глаза. Беттина выпустила изо рта его член и подняла глаза.

– Что это был за старик?

– Старик? Какой?

– Тот, с кем ты разговаривал.

– А, этот. Просто друг моих родителей. И как оказалось, отец моего коллеги, Себастиана Косса.

– Он приятный человек.

– Косс?

– Старик. Он просто милашка.

– А Косс – просто мудака.

Он откинул голову на подголовник. Как же он устал. Он был возбужден и раздосадован. Почему она не может закончить побыстрее? Он посмотрел из окна машины на собаку, играющую с мячом на другой стороне дороги.

Глава 22

Служебный автомобиль «Форд-Фокус» на большой скорости мчался среди бескрайних полей. Над озером Маридалсванне лежала серая мгла. По земле стелились облака тумана. Краем глаза Фредрик заметил, что Кафа теребит свой временный пропуск в здание полиции. В машине стояла гробовая тишина, пока он не нарушил молчание.

– Косс. Себастиан. Это написано на вашей двери, – съехидничал Фредрик.

Она робко улыбнулась.

– Думаешь, это его взбесило?

– Могу заверить тебя, что да. Когда тебя ставит на место подчиненный, злоба вырывается наружу из каждой клеточки тела. Он тебя ненавидит.

– Ну и ну.

Фредрик манерно взмахнул рукой и, изображая одно из излюбленных движений Косса, провел пальцами по коротким темным с проседью волосам.

– Он всех ненавидит. Себастиан Косс – кусок дерьма. С какой стороны ни посмотри.

Кафа снова повесила пропуск на шею.

– Прямо как твой напарник, Фигуэрас. Он ведет себя так, как будто я собираюсь разрушить его брак, – холодно сказала она.

В его груди все напряглось. Он попытался собрать все свои силы, но и она тоже могла бы поднапрячься.

– Дело не в тебе, – отрезал он. – А в том, что мы бы тоже не отказались поучаствовать в обсуждении, прежде чем получить новую коллегу.

– А они просто подсунули вам эту дамочку из СБП?

Теперь уже была очередь Кафы ехидничать. Она отчетливо слышала разгоряченный спор следователей.

– Именно. В остальном же Андреасу самому прекрасно удается разрушать свой брак.

– В это несложно поверить.

Примерно через сто метров после въезда в Сульру они увидели то, что искали: синий почтовый ящик, криво висевший на столбе. Они припарковались. В лесу пахло землей и гниющей древесиной. У подножья холма деревья стояли голые, но выше по склону поднимались деревья с зелеными кронами, из-за которых проглядывало небо. В лесу царило безмолвие. Через пару минут ходьбы показался надел земли со стоящим на нем красным двухэтажным деревянным домом. За запачканным окном на пристроенной террасе сидел пожилой мужчина в инвалидном кресле. Когда Фредрик и Кафа подошли к нему, он открыл глаза.

– Вот как, – сказал он скрипучим голосом. – Так значит, вы пришли.

Его пальцы, толстые как сардельки, мирно покоились на коленях, укрытых пледом. Не успел Фредрик спросить, что старик имел в виду, как дверь на веранду отворилась, и к ним вышла сухоощавая женщина. Ее седые волосы были так туго затянуты в пучок, что Фредрик не смог понять выражение ее лица.

– У нас гости, Брюнъяр? – громко спросила она, положив руку на плечо старику.

Фредрик сдержанно улыбнулся:

– Я полагаю, Брюнъяр и Сигне Кварвинген – это вы?

Старик не сдвинулся с места, когда Фредрик протянул ему руку. Вместо него жена подала ему свою узкую костлявую ручонку – холодную, с блестящей, как глянцева бумага, кожей.

– Меня зовут Фредрик Бейер. Я из полиции. Это моя коллега Кафа Икбаль.

Старуха перевела взгляд с Фредрика на Кафу.

– Мы уже общались с полицией. С молодой женщиной. *Белой*. Мы рассказали ей все что знаем.

Сигне сложила руки поверх толстой шерстяной юбки.

– Это для нас очень ценно. Но у нас есть еще несколько вопросов о Сульру. Общине, которая здесь находится.

Женщина покачала головой и, тяжело вздохнув, открыла перед ними дверь. В гостиной стоял старый кожаный диван. На стенах висели картины – написанные маслом в пастельных тонах лесные пейзажи: озеро в предрассветных сумерках, хижина у подножья горы с водопадом.

– Мой муж рисовал, пока здоровье не ухудшилось, – сказала женщина, повернув к ним голову. Она шла впереди медленной, но твердой походкой. В узком коридоре, соединявшем гостиную с кухней, лежал шерстяной половик. «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым»²¹. Сигне жестом пригласила их сесть за кухонный стол и взяла из кофеварки пустую колбу. Колба наполнялась, и Фредрик заметил, что у женщины дрожит рука. Сигне извинилась пред гостями.

– Брюньяр, – тихо проворчала она.

Четыре маленьких баночки с кислицей стояли посреди стола с жаропрочной поверхностью. Стены были покрыты белой мешковиной. На одной из них, над кухонным столом, висел календарь из благотворительной организации с фотографиями африканских детей: «Лагерь беженцев в Заире». Возле раковины стояла гора немытой несколько дней посуды. Пахло вареной капустой. Фру²² Кварвинген невыносимо медленно катила инвалидную коляску супруга. Половик сильно замедлял ее движение. Она подвезла мужа к столу, и кофеварка зашипела.

– Брюньяр не очень хорошо слышит, – садясь, пояснила она.

Фредрик повысил голос.

– Как я уже сказал, мы расследуем дело о трагических событиях в Сульру. Я бы хотел расспросить вас о жителях общины.

Сигне наполнила чашки и вопросительно посмотрела на Кафу. Та улыбкой подтвердила, что ни Аллах, ни кто-то другой не будут против, если она позволит себе чашечку кофе. Пожилая женщина положила кусочек сахара в черную как смоль жидкость, поставила ее на фарфоровый поднос и опустила его Брюньяру на колени.

– Какая трагедия! И все эти исчезнувшие. Дети... – медленно произнесла она.

– Они хорошие люди, – сказал Брюньяр. – В основном держались сами по себе, но иногда заглядывали к нам с визитом. Бывает, приносили кусочек пирога. Или булочки.

Голос Сигне стал резче:

– Я искренне надеюсь, что с ними все хорошо. Убийца все еще на свободе? – спросила Сигне.

Фредрик ответил слабым кивком головы.

– Да, к сожалению. Убийца или убийцы. Мы не знаем, кто напал на хутор. Полиция задействовала большие ресурсы, чтобы раскрыть дело. Но это займет время.

Сигне тяжело вздохнула.

Фредрик перевел взгляд с Брюньяра на Сигне Кварвинген. Щелчок обогревателя под столом сообщил, что тот выключился. Или, наоборот, включился? Как и в домах других стариков, у которых Фредрик бывал за свою жизнь, температура в этом доме критически приближалась к температуре тела. Способность фру Кварвинген ходить в застегнутом на все пуговицы вязаном жакете на секунду показалась ему самой большой тайной, с которой они столкнулись. Но эту тайну, вероятно, можно было постичь. О его же тайне – охоте за исчезнувшей сектой – супруги знали мало. Они не представляли, где может находиться община, они никогда не разделяли их религиозных взглядов, ничто их не связывало, кроме случайных редких встреч в окрестностях.

²¹ Ветхий Завет, Книга Притчей Соломоновых, 6.6. – *Прим. пер.*

²² Обращение к замужней женщине в Норвегии. – *Прим. ред.*

– Вам не показалось, что они были с кем-то в конфликте?

Сигне мягко улыбнулась им, положив в кофе еще один кусочек сахара.

– По радио говорили, что община такая радикальная, – задумчиво проговорила она и вздохнула. – Но это не так. Это заботливая, добрая молодежь. И дети. Так ужасно, что пропали дети.

– Они не были столь радикальны?

Фредрик нагнулся вперед.

– О, нет, – ответил Брюньяр. – Они хорошие люди.

Сигне проводила полицейских к выходу. Старик остался сидеть на кухне. В коридоре Фредрик увидел что-то, что заставило его остановиться. На стене висела фотография. Аэро-фотоснимок дома супругов.

– Знаешь, – сказал он, повернувшись к Кафе. – Глаза видят только то, что хотят увидеть.

Она непонимающе покачала головой.

Он показал на фотографию. Не на дом Кварвингенов, а на хутор с маленьким амбаром и домом, находившимся чуть ниже в долине. Это был хутор Сульру. В саду возвышался подъемный кран. Вокруг стояли экскаваторы.

– Этот снимок висит и в Сульру. Я видел его там, в первую ночь, только не понял, что это означает.

Он повернулся к Сигне.

– Когда была сделана эта фотография?

Пожилая женщина, прищурившись, наклонилась вперед.

– Ну... должно быть, во время перестройки здания? Лет восемь – десять назад, вроде того.

Фредрик подмигнул Кафе и щелкнул пальцем по стеклу подъемного крана, на стреле которого висел длинный белый баннер. «Акционерное общество «Монтажная компания Осло».

– Это они строили подвал, – констатировал он с довольным видом.

Глава 23

Полицейские, охранявшие Сульру, выдали Фредрику и Кафе ключи. Они прошли в амбар, в лабораторию, а затем комната за комнатой обошли дом. Кафа долго неподвижно стояла у окна в спальне Бьёрна Альфсена – младшего, всматриваясь сквозь серую изморось вдаль: там, на другом конце долины, виднелся крестьянский хутор. Окно было приоткрыто, и в комнату проникал обжигающе холодный воздух.

– Я ценю, что ты тратишь на меня столько времени, – сказала Кафа, когда они стояли на лужайке и Фредрик описывал ей картину кровавой расправы.

Он посмотрел на Кафу. Она благоразумно отказалась от серого костюма. Вместо этого она надела короткий вязаный свитер и облегающие темно-синие джинсы, которые заправила в черные сапоги.

– Я здесь не из-за тебя, – ответил он, не сразу осознав, как грубо это прозвучало. – Я хочу сказать... Мне самому хочется в этом разобраться.

Он попытался улыбнуться.

– Первые часы на месте преступления всегда такие напряженные. Очень много впечатлений.

Он присел на корточки, опустив руки в мокрую траву. В колене неприятно хрустнуло.

– Мне нравится покой, который наступает, когда убирают тела и улики. Это как рассматривать отретушированную фотографию. Проступает все прежнее и, казалось бы, малозначимое. Таким это место было *до* того, как стало местом преступления. Только без людей, разумеется.

Поднимаясь на ноги, он сдержался, чтобы не застонать от боли, и отряхнул руки.

– Как поэтично, – сказала Кафа.

Он не совсем понял смысл этой иронии.

– Спасибо. Это часть старомодной профессии полицейского. Не рассказывай своему боссу, что я тебе это сказал.

Кафа фыркнула.

– Самиру? Этой свинье?

Похоже, на сердце у нее накипело, но она лишь загадочно улыбнулась. Затем, прикусив нижнюю губу, она отошла на пару шагов назад.

– Двое из пропавших мужчин – братья, – задумчиво произнесла она. – Фритьоф и Пауль Эспен Хенни. Только представь себе: сейчас их родители сидят и понятия не имеют о произошедшем.

Она откашлялась, и ее голос стал тверже.

– У преступника должен был быть пост наблюдения где-то поблизости, – решительно сказала она. – Кто-то должен был следить за тем, когда жители общины отправляются спать, когда просыпаются, кто на месте. У нападавшего была цель, и за этой целью ему нужно было наблюдать.

Кафа почесала в затылке.

– И... мне кажется, я знаю, где находился этот наблюдательный пост.

Не говоря ни слова, она развернулась и быстро промаршировала в сторону дома.

Фредрик запыхался, когда догнал Кафу в спальне пастора Альфсена. Он следил за ее взглядом, устремленным в долину.

– Вот черт, – выпалила она. – Там пожар!

Густой черный дым валил из стоявшего на другом конце долины амбара.

Глава 24

Оттар Скарен считал, что у него было два варианта. Дождаться влажного и безветренного дня, поджечь эту хибару, вызвать пожарных и соврать. Или сделать так, как поступил бы его отец. Как, по мнению отца, должен был сделать *сын*. Разобрать эту фигню. Доску за доской. Использовать то, что можно, и выбросить все остальное. Как будто ему больше нечем заняться, как разбирать ветхие амбары. Он думал об этом в прошлом году, и в позапрошлом. Как поступить: как проще или как правильнее? Был еще и третий путь. Сделать, как отец: оставить эту развалюху в покое. Переложить проблему на кого-то другого. Старый козел знал, как поступить.

Такие мысли одолевали фермера, когда на опушке леса, на вершине холма, показался амбар. Скарен возвращался из конюшни, где проверял, все ли в порядке с кобылами, которых привезли из города. Но почему бы не сделать сегодняшний день особенным?

Оттар Скарен съехал на обочину гравиевой дороги, облокотился на руль и прищурился. Вот дерьмо. Он посмотрел на облезлую хибару. Бывало, что и туда вламывались. Однажды ему пришлось везти двух девчонок-подростков домой в город. В апреле они отправились в поход с палаткой в юбках и курточках, напились в стельку яблочного сидра и забрели в его амбар. Он помнил их посиневшие от холода ноги и тусы в красную крапинку.

Оттар Скарен был ростом два метра три сантиметра без обуви и весил сто сорок пять килограммов. Он прошел вразвалку по заросшей тропинке от главного дома к старому амбару. Оттар, вздохнув и выругавшись, затянул потуже ремень, чтобы с него не свалились бесформенные джинсы, когда он шел через березовую рощу. Переходя лужайку возле амбара, он нащупал в кармане связку ключей, но в этом не было нужды. Только он собрался отпереть дверь рядом с амбарной лестницей, как она отворилась. Закрыв ее за собой, он заметил, что она опять начала скрипеть. Какие странные эти старые двери. Осенью прошлого года он смазал петли и спилил влажную вспухшую древесину, чтобы дверь заходила в дверную коробку, а теперь она опять была полуоткрыта. Может, тут побывал кто-то из полиции и не запер ее, когда пошел дождь?

После того как чокнутый исламский террорист с автоматом навел на всех ужас на другом конце долины, тут повсюду мельтешили копы. Но он ничего не слышал и ничего не видел. Ничто другое, кроме себя, не интересовало Оттара Скарена. Он ничего не знал ни про какую секту и попросил их убраться к чертовой матери.

Пока он поднимался по лестнице, идущей от маленькой мастерской на второй этаж, и пролезал через люк на потолке, у него заболели ноги. Оказавшись наверху, он сделал два шага вперед. Звуки шагов тонули в гнилой соломе. Фермер подождал, пока глаза не привыкнут к темноте. Помещение освещали только редкие лучи света, проникавшие сквозь щели в крыше.

С дырявого потолка капала дождевая вода, и на шершавом полу появлялись блестящие вонючие лужицы. Капли ударялись о поверхность старых машин, столов с инструментами и ведер с краской. Их всплески, клочкотание, барабанная дробь создавали какофонию. Запах химикатов и масла смешивался с запахом подвала. Оттар подумал, что надо включить свет, и потопал к несгораемому шкафу с предохранителями у стены. Остановившись у шкафа, он вздрогнул. Очень странно.

Торчавший в замке ключ дергался. Значит, колесо счетчика вращалось с внутренней стороны. Колесо счетчика, которое он сам остановил прошлой осенью, когда менял предохранители. Беспокойство Оттара росло. Нужно осмотреть другую часть амбара. Над его головой раздались какие-то звуки, что привело его в замешательство. Внезапно он почувствовал, что не один в комнате.

Оттар ударил кулаком по выключателю рядом с несгораемым шкафом. Должен был включиться свет, ведь электричество было подключено, но он не включился. Оттар услышал только

частое потрескивание тока. Он повернулся всем своим большим телом, лихорадочно огляделся по сторонам, и его ослепил град искр, посыпавшийся над головой из патрона лампочки. Оттар посмотрел вверх. Лампочка разбилась, а вокруг старого керамического патрона обмоталась стальная проволока. Короткое замыкание. В шкафу что-то ударило, и предохранитель задымился. Поток искр прекратился, и от дымящегося куска провода повсюду стал распространяться запах электрической проводки и жженой резины.

Что за чертовщина! Он поспешил наружу. Надо только поднять засов на двойных дверях, и он окажется на амбарном помосте. Тут он не останется ни за какие коврижки. Когда он пробирался между кузовами машин, мимо него скользили тени. Падавшие с потолка редкие лучи света преломлялись в окнах машин, металлических коробках, зеркале над раковиной. Вот он уже близко. Обхватил засов, потянул, напрягся изо всех сил, так что мышцы вздулись при попытке поднять этот чертов засов...

Но он не сдвинулся с места ни на миллиметр. Когда он отпустил его, то понял, в чем дело. Громыкнула тракторная цепь противоскольжения. Она должна была висеть на стене у двери в амбар, но почему-то была намотана на засов и его крепления. Он оказался заперт, и теперь был только один выход – люк в полу, через который он сюда пришел. Ощущение, что он не один, все больше усиливалось. Ничего удивительного. Ведь он и был не один.

Когда он повернулся к двери, перед ним стоял человек – в темной одежде с капюшоном, высокий и крепкий. Оттар лишь мельком смог разглядеть застывшую на его лице усмешку.

Он не видел ножа, но понял, что ему пришел конец. Холодная твердая сталь скользнула в брюхо Оттара, прямо над лобковой костью, и, совершив неистовый рывок, лезвие метнулось вверх, вспарывая живот, разрывая кишки и главные артерии на пути к огромному сердцу великана.

Боли не было. Сначала Оттар почувствовал холод, потом тепло, затем стало мокро, и он провалился в пустоту.

Глава 25

Когда пришли Фредрик с Кафой, пламя уже потухло – то ли из-за измороси, то ли из-за сырых прогнивших стен. Как бы то ни было, большая часть амбара уцелела.

Через два часа разобрали обрушившуюся крышу, и стали видны обгоревшие корпуса машин. Фредрик наклонился над кузовом старого «Пассата», и в нос ему ударили едкие пары лака. Сквозь разбитое лобовое стекло на переднем сиденье он увидел труп. От здорового обгоревшего дочерна тела воняло, как от свиньи, которую окунули в бензин и забыли на гриле. Плоть была вспорота от живота до груди. В кишках еще булькало.

– Несчастный случай исключается. И насчет самоубийства я тоже сомневаюсь, – сказал стоявший с другой стороны машины судмедэксперт. Им оказался все тот же шутник из Сульру, одетый в белое.

– Его и эту развалюху облили бензином. Да, надо все изучить и проанализировать с лупой размером с отверстие в заднице чихуа-хуа, прежде чем что-то утверждать, но я вполне уверен, что кто-то зарезал этого толстяка, затем полил машину каким-то горючим, поджег и смылся, – сказал он, облизывая губы. – Придется поковыряться в теле, чтобы установить его личность.

Фредрик оглянулся. Семь или восемь полицейских вместе с Кафой прочесывали уцелевшую часть амбара. После пожара в помещении все еще стоял жар, и Кафа сняла свитер, оставшись в белой облегающей футболке с влажными от пота подмышками.

– По словам соседей, на этом хуторе живет только один фермер. Он огромный, как медведь, так что, надо полагать, это он и есть, – сказал Фредрик. – Скарен, – продолжил он. – Его звали Оттар Скарен.

От запаха и вида трупа с распоротым животом тошнило, и Фредрик отошел в сторону. Кафа стояла у кучи кровельной дранки, изучая стены амбара.

– Нашла что-нибудь?

Она пожала плечами.

– Там наверху есть небольшая площадка с открытым окошком, выходящим на Сульру. Думаю, это и есть наблюдательный пункт.

На высоте в половину человеческого роста над ними находилось окно размером метр на метр. Напротив окна вдалеке виднелся покрытый деревьями склон. Поднимавшаяся на второй этаж крутая лестница трещала под весом Фредрика.

Кафа оказалась права. Это место действительно служило пунктом наблюдения. Фредрик сразу это понял. Свисавший с потолка старый провод был перерезан. Новый белоснежного цвета кабель был подсоединен к оголенному медному проводку, а другая часть перерезанного кабеля вела к мощному удлинителю, лежавшему на открытом подоконнике. Рядом с ней на пыльной поверхности остались следы штатива – какие обычно используются для установки подзорной трубы или фотокамеры.

Посмотрев в окошко, он увидел находившийся в километре отсюда деревянный дом, лужайку и амбар на хуторе Сульру. Так, значит, вот откуда велось наблюдение. Фредрик хотел позвать Кафу, но его опередил торжествующий клич.

– Фредрик! Фредрик! Посмотри!

Прямо под ним в куче дранки и гравия на коленях стояла Кафа.

– Вот зачем вернулся убийца. Вот что он искал!

В тусклом свете Фредрик не разглядел, что было в руках у Кафы.

– Она лежала здесь, в куче гравия, – прокричала она. – Какая-то сумка. В ней телефон и карта!

Глава 26

Полицейские бежали в укрытие за контейнер, стоявший перед массивными дверями ангара. Шуршание их непромокаемых штанов напоминало стрекотание кузнечика. Под подошвами военных сапог перекачивался гравий.

Фредрик следил за происходящим сквозь закопченные окна белого фургона. Рядом с ним на расшатанном стуле сидел Себастиан Косс. Помощник комиссара полиции прошептал в микрофон:

– Начинайте.

Полицейские подняли оружие и двинулись. Из рации было слышно тихое напряженное дыхание, которое прерывалось только короткими едва слышными сообщениями.

– Чисто.

– Чисто.

Фредрик взял карту и принялся изучать ее. Тонкое красное кольцо прямо посередине между районами Кампен и Валле Хувин на востоке столицы было едва различимо. Несомненно, на карте, которую они нашли в амбаре, был обозначен старый промышленный ангар в Эншё. Бесспорно.

– Чисто!

В фургоне было жарко и душно. Двери и окна – закрыты. Никто не должен был знать, что они здесь засели.

– Чисто!

Лоб Фредрика покрылся испариной. Фредрик облизал губу и почувствовал выступившие на усах крошечные капельки пота. Пахло кожаной обувью и человеческой плотью. Фредрик нагнулся вперед и встретился взглядом с Кафой. Она неуверенно покачала головой. Прошло еще полминуты.

– Чисто!

Из рации раздался уверенный голос.

– Помощник комиссара полиции Косс. Ангар чист. Здесь пусто.

Косс медленно поднялся со стула, запустил пальцы в вспотевшие светлые волосы и, согнувшись, прошел к задним дверям фургона.

– Черт, – изрек он, распахнув двери.

Из кирпичного ангара длиной в шестьдесят метров маленькими группами выходили вооруженные полицейские. На обоих концах конька крыши возвышалось по узенькой круглой башне, а на бетоне над воротами был нанесен год постройки: 1923. Стальные двери были рассчитаны на то, чтобы в них мог заехать поезд. Старые железнодорожные рельсы почти утопали в асфальте.

– Ангаром давно не пользовались. Тут никого нет, – доложил Коссу один из полицейских, приподнимая забрало шлема и вытирая пот.

Жестом Фредрик позвал Кафу. В полумраке ангара воздух был влажным и холодным. Звуки снаружи быстро стихли. Железнодорожное полотно тянулось через весь ангар, а на полу тонким слоем лежали опилки. С потолка неподвижно свисали цепи толщиной с лодыжку. Со стальных балок под крышей доносился птичий щебет.

Молча они прошагали весь ангар, осматривая стены и потолок. Ничего. В конце ангара была бетонная стена. Три двери в ней тараном выбила группа захвата. Две из них вели в маленькие боковые комнаты. По стоявшим в них письменным столам и архивным шкафам можно было догадаться, что когда-то здесь были кабинеты. Средняя дверь была больше и, очевидно, полицейским пришлось хорошо постараться, чтобы выбить ее. Комната была размером примерно десять на десять метров, а ее верхняя часть под потолком переходила в башню. Здесь

было темнее, чем в остальной части ангара. Все окна, кроме маленького окошка в башне, были заколочены, как и овальное окно в стене. Вдоль боковых стен стояли пустые деревянные стеллажи, и только на одной из полок лежал сложенный в несколько слоев войлок. На секунду Фредрик с Кафой остановились, еще раз окинув взглядом помещение. Фредрик покачал головой.

– Чисто! – передразнил он полицейских и удрученно вздохнул. – Пусть посмотрят криминалисты. Но тут ничего нет.

Кафа не ответила. Вместо этого она закинула голову и сделала глубокий вдох.

– Погоди, – сказала она, села на корточки и потрогала опилки на полу. – Ты ничего не чувствуешь? Фредрик тоже глубоко вдохнул и ничего не почувствовал.

– Здесь более влажно, чем в ангаре. Потрогай, – сказала она, протягивая ему ладонь с опилками.

Опилки в ее ладони были не такие сухие, как в остальном помещении, – липкие и сырые. Войлочная ткань на полках тоже была влажной. Должно быть, ткань до недавнего времени пролежала на полу, что не позволило влаге испариться. Кафа повернулась к Фредрику спиной и, уперев руки в бока, подняла взгляд на потолок, на башню.

– Закрой дверь, – попросила она.

Когда Фредрик закрывал покореженную стальную дверь, она заскрипела, и стало темно. Только загадочный луч света проникал через окно в башне, и пылинки плавно кружились в воздухе, как искрящиеся снежинки. Луч падал на лицо Кафы и освещал его, словно на портрете Рембрандта. Ее профиль, изгиб спины и грудь были как будто очерчены белым контуром на черном фоне.

– Кибла, – пробормотала она.

– Что-что?

– Думаю, это кибла, – повторила она, доставая телефон.

Фредрик непонимающе уставился на Кафу.

– Не понял.

Она объяснила, набирая сообщение.

– Кибла – это направление в котором поворачиваются мусульмане во время молитвы. То есть, в сторону Мекки. Думаю, единственное незаколоченное окно ориентировано на Мекку.

Спустя мгновение она посмотрела на него, улыбнувшись.

– И я права. Это кибла.

– Как ты узнала?

– Это приложение, – сказала она, показав на телефоне, – в любое время показывает мне, в каком направлении находится Мекка.

Кафа подмигнула Фредрику.

– Войлок только недавно убрали с пола. Кто-то побывал здесь, в укрытии. И они поворачивались к Мекке во время молитвы.

– Эмир и Камбрани, – констатировал Фредрик.

Кафа задумчиво кивнула.

– Вопрос только в том, сбежали ли они, когда мы пришли. Если они не знают, что мы тут были, они могут вернуться, – сказала она, застегивая куртку. В ангаре было сыро и зябко. Кафа покачала головой.

– Ну, нет, – сказала она. – Они знают, что мы тут были. Они не такие неосторожные. Но они все равно вернутся.

– Правда?

– На ткани куча следов. Частицы кожи, волосы... Она все еще лежит здесь только потому, что они убегали впопыхах. Те, кто здесь прячутся, надеются, что мы не поймем, что этой комнатой пользовались. Они придут, чтобы избавиться от улики.

- Ты, наверное, и точное время знаешь? – насмешливо спросил Фредрик.
Она посмотрела на него без тени иронии во взгляде.
- Вероятно, когда стемнеет.
- Кафа уселась в углу за дверью. Оттуда ее было почти не видно.
- Полагаю, ты права, – вздохнул он.
- Попрошу Косса позаботиться о том, чтобы все выглядело так, как будто мы уехали.

Глава 27

Он не был уверен. Фредрик упирался спиной в неровную кирпичную стену. Ноги ломило, в колене пульсировала боль, а по всему позвоночнику ныло. Свет из окна в башне, мерцая, затухал, солнце уже садилось. Попытки читать Чарльза Уилфорда²³ – книгу в ридере, который носил во внутреннем кармане кожаной куртки, – только усилили нарастающую головную боль. Так хотелось помочиться, что он уже подумывал сделать это в штаны. А она? У нее что, нет физиологических потребностей? Кафа сидела в той же позе, в которой прислонилась к стене четыре часа назад.

Но она тоже подняла голову вверх. Там никого не было. Еле слышное царапанье по стеклу за ставнями, закрывавшими окно на торцевой стене. Никаких сомнений. Было похоже, что из оконной рамы вынули что-то большое и тяжелое. Тишина. Фредрик считал. Пятнадцать секунд. Тридцать. Ему показалось, что он уловил какое-то движение в щелях между досками. С подоконника по кирпичной стене посыпались мелкие камни. Последовал мощный удар. Нижняя доска заходила, и тут ее резко рвануло и отбросило. За ней отлетели еще две доски. Образовавшееся отверстие уже достигало не менее полуметра, и тут они увидели человека.

В вечернем свете Фредрик различил широкоплечую фигуру с толстой шеей. Крепко ухватившись за подоконник, человек подтянулся на руках. Сначала в окне показалась верхняя часть его тела, затем ноги. На мгновение он присел на подоконник, а с него ловко приземлился на опилки. Фредрик напрягся. Сидя неподвижно, они с Кафой оставались незаметными, но, если бы человек зажег фонарь или даже зажигалку, он бы их увидел.

Никакого света. Вместо этого мощная фигура двинулась к полке, находившейся на расстоянии вытянутой руки от Фредрика. Казалось, их гость хорошо знал комнату. Фредрик почувствовал исходящий от него запах пота и мяса со специями. Взломщик небрежно поднял с полки кусок войлока. Фредрик приготовился. Как только громила повернется к нему спиной, поднимет руки, чтобы выкинуть в окно кусок войлока, Фредрик накинется на него и попытается уронить, подкатившись ему под ноги. И тогда уже будет неважно, сколько весит эта сволочь. Он заломит ему руку за спину, хорошенько сожмет два его пальца и будет тянуть, пока тот не заорет от хруста в плече.

Но мужчина не направился к окну. Вместо этого он остановился, положил перед собой свернутую ткань, сел на корточки, и развернул ее. Внутри лежал коврик. Он раскрутил его, отряхнул, снял обувь и опустился на колени, оказавшись спиной к Фредрику и лицом к окошку в башне. Тихо бормоча, мужчина наклонился вперед, коснулся лбом пола, затем снова сел и еще раз повторил эти действия.

Стоило ли нападать во время молитвы? Это казалось Фредрику неправильным. Перед его глазами возникла картина убийства пастора Альфсена, который был застрелен, стоя на коленях со сложенными в молитве руками. Case closed²⁴. Фредрик оперся кулаками о бетонный пол и постарался подняться как можно более бесшумно, едва заметно перенося вес на ноги. Он постепенно менял положение своего тела, и этот подъем причинял ему боль. Ноги ломило от напряжения, от боли в колене у него посыпались искры из глаз, но все-таки он поднялся. Слегка оттолкнувшись от стены, он встал на ноги.

В темноте кажется, что ты один. Об этом тебе говорят твои глаза, но ты знаешь, что это не так.

Прежде чем Фредрик успел сделать первый шаг, мужчина резко обернулся, посмотрел ему прямо в глаза и бросился на него, как дикий кот. В его руке что-то блеснуло: изогну-

²³ Чарльз Рей Уилфорд (1919–1988) – американский писатель, автор детективов. – *Прим. ред.*

²⁴ Дело закрыто (*англ.*). – *Прим. пер.*

тый кинжал, огромный, как хлебный нож. Разрезая воздух, он едва не задел Фредрика. Тот едва успел беспомощно отпрыгнуть. Здоровяк уже стоял на ногах, пока Фредрик пытался удержать равновесие. За густой подстриженной бородой нападавшего мелькнул оскал белых зубов. Взгляд противника источал ненависть.

Кинжал снова просвистел совсем рядом. Фредрик отскочил на шаг назад. Из-за широких светлых брюк и длинной до колен верхней одежды, напоминавшей тунику, нападавший явно проигрывал в подвижности. Но это не играло никакой роли. Еще один выпад – и Фредрик уперся спиной в стену. Для маневров больше не было места.

– Стоять! Полиция. Сдавайтесь.

В пустой комнате раздался голос Кафы. Человек обернулся в замешательстве, застыл на мгновение, потом развернулся к полицейским, чтобы видеть их обоих. Кафа стояла посреди комнаты в полоске света из башенного окна.

– Это мое последнее предупреждение. Сдавайтесь.

Неуверенная усмешка заиграла на губах мужчины. Как будто он хотел что-то сказать, но не успел. Фредрик, не мешкая, изо всех сил ударил его в пах. Ботинок полицейского пропорол ткань штанов, и послышался треск рвущегося хлопка. Фредрик увидел, как глаза мужчины вспыхнули бледно-желтым, и затем его тело от удара инстинктивно согнулось пополам. Сцепив руки, Фредрик ударил его по затылку.

Мухаммад Камбрани рухнул на пол, издав глухой вздох. Фредрик выпустил струю в штаны. Твою мать, как же хорошо.

Глава 28

Стояла полночь, когда Фредрик припарковался в полицейском гараже рядом с «Мерседесом» SLS AMG Себастиана Косса. Он не мог не восхищаться этим хищником в броне. Широкие, приятно пахнущие резиной колеса. Двери – как крылья чайки, корпус так плотно прижат к задней оси, что это создание будто вот-вот встанет на дыбы. Образец инженерных достижений. Фредрик с удовлетворением отметил брызги грязи на алюминиевом кузове.

Сдав ключи от служебного «Форда», он зашагал под дождем к станции метро «Грёнланн». Проверил телефон, на котором оказалось несколько неотвеченных вызовов с одного и того же номера. Фредрик перезвонил.

– Привет, Фредрик, – раздался высокий мужской голос в трубке.

– Ты звонил?

– Ну конечно звонил. Ты ведь понимаешь, зачем. У тебя есть время поболтать?

– Да. Есть. Сейчас? – спросил Фредрик.

– Да... Давай сейчас. Я собирался лечь, но... Через двадцать минут? Встретимся там же? – Увидимся. Передай привет Турид.

Ничем не примечательное место. Самая маленькая и прокуренная забегаловка в западной части улицы Бокстадсвейен, где все еще можно выпить два пива по 0,5 за сотню крон. Последний раз ее красили еще задолго до принятия закона о запрете курения. Пропахшие табаком лилово-красные стены, смотрящий исподлобья парень за стойкой и остальные клиенты – все способствовало тому, чтобы случайные посетители заглядывали сюда как можно реже.

Паб находился всего в паре шагов от дома Фредрика, рядом с квартирой Йоргена Мустю и его жены Турид, поэтому они могли встретиться на полпути. Это обстоятельство Фредрик считал удобным для встречи с журналистами.

Давно они не виделись – товарищи со студенческих времен. Лучшие друзья, приятели, знакомые и снова друзья. Фредрик помнил его таким, каким он был в их первую встречу. Крепкий и жилистый от работы на домашней ферме. Восемнадцать лет работы за столом на канале TV2 не прошли для Йоргена бесследно. Его талия стала шире плеч, а кожа – дряблой и обвисшей. Только рыжие кудри и улыбка не изменились. Следовательно допил бокал пива, когда в бар вошел его товарищ. Йорген снял с переносицы круглые очки и смахнул капли воды с фланелевой рубашки.

– Рад тебя видеть, – сказал Йорген.

Они обнялись по-приятельски. Пока Йорген стягивал с себя ветровку, ему под нос поставили мюнхенское темное пиво.

– Мать вашу за ногу, ну и дерьмовое лето!

Когда он опустился на стул, Фредрик спросил:

– Ну, так как тебе в кресле главы политического отдела?

– Да ты знаешь... По-крайней мере, это не похоже на работу репортера. Ответственное и больше обязанностей, но и зарплата, и рабочее время лучше. Турид считает, что это самый правильный выбор, который я сделал с тех пор, как мы поженились... А ведь прошло уже много лет...

Они улыбнулись друг другу, и Йорген опять посерьезнел.

– После того как Турид заболела... удобно иметь фиксированное рабочее время. Но сегодня мы поговорим о твоей работе, Фредрик.

Йорген Мустю наклонился к нему.

– Это ведь совершенно безумная история.

Он тряхнул головой, так что с волос слетели капли дождя, а затем продолжил.

– Бойня членов общины, пропавшая секта, мусульманские террористы, сексапильные дочки политиков... Черт возьми, да ты видел фотки в «Дагбладе»²⁵? Эта Аннетте Ветре – горячая штучка.

Заметив, что Фредрик не в восторге от деталей дела, представленных в СМИ, Йорген понизил голос.

– Я хотел бы знать твое мнение обо всем этом.

Фредрик задумчиво посмотрел на своего старого друга. Следователь знал, что ему можно доверять. В качестве своеобразного жеста открытости он снял с носа очки и положил на стол перед собой.

– Давай я сначала расскажу о деле, а потом отвечу на вопросы?

– Отлично, – сказал Йорген, забарабанив пальцами по столу.

Фредрик начал рассказ о казалось бы не относящемся к делу исчезновении Аннетте Ветре и о том, как все закрутилось после звонка Сюнне Йоргенсен, – беспорядке на месте преступления, исчезнувшей общине, комнате Альфсена и расстрелянных жертвах.

– Я тебе не говорил об этом. Хорошо? – сказал он вполголоса.

Йорген утвердительно подмигнул и перестал стучать по столу.

– Есть кое-что чертовски странное в освещении СМИ этого дела. Все, что я рассказал сейчас, уже известно. У вас, очевидно, есть источник, который хорошо знаком с делом. Но...

Фредрик почесал щетинистый подбородок.

– ...ваш источник избирателен в информации.

Всем своим видом Йорген будто хотел сказать: «Рассказывай еще». Фредрик полагал, что его друг отработывал это в высшей школе журналистики, так как наблюдал его уже не раз.

– У дома в Сульру есть подвал. Тайный подвал, состоящий из лаборатории и наблюдательного пункта. Оттуда «Свет Господень» управлял множеством камер, при помощи которых велось наблюдение за хутором. Внутри и снаружи.

– Лаборатория? Но для чего?

Фредрик перебил его.

– Мы не знаем. Но там *что-то* происходило. Что-то очень секретное, не для посторонних глаз. Когда мы пришли, подвал был вычищен до состояния стерильности.

Фредрик посмотрел на товарища.

– Почему ваш источник не сообщил об этой тайной лаборатории?

Йорген Мустю недоверчиво взглянул на Фредрика.

– Да, почему? Это очень надежный источник, – ответил он.

По выражению лица Йоргена Фредрик понял, что тот действительно не знал ответа.

Фредрик наклонился так сильно вперед, что из-под него чуть не выскользнул стул.

– Думаю, вас используют, – сказал он.

Морщина на лбу журналиста стала еще заметнее.

– Так. И зачем?

– Затем, что кто-то решил представить эту трагедию как религиозную месть. Чтобы мы подумали, что за всем этим стоят исламистские фундаменталисты. Может быть, так и есть. Но это дело сложнее, чем кажется. В этом я уверен.

Фредрик секунду помедлил, а затем продолжил.

– В том подвале что-то происходило.

Йорген закатил глаза.

– Так ты считаешь, что пресса позволяет себя использовать? В качестве полезных идиотов? Эта песня стара как мир.

²⁵ Название ежедневной норвежской газеты. – Прим. ред.

– Это твои слова. За этим стоят профессионалы, понимающие, как устроено общество, и они знают, на какие кнопки надо нажимать.

Он взглянул на пустой бокал Йоргена.

– Еще по пиву?

– Да, черт возьми, – недовольно проворчал журналист.

Когда Фредрик вернулся, Йорген выглядел очень задумчивым.

– А что насчет эмира? Мухаммеда Халеда Умара, которого вы ищете? И его телохранителя, Камбрани? Ведь единственные, кого разыскивают по этому делу, это исламские фундаменталисты?

Фредрик даже не попытался солгать.

– Мы не хотели, чтобы о них стало известно.

– Так значит, есть хорошие источники, – весело отозвался Йорген.

– Про эмира я ничего не могу сказать. Так как мы хотим с ним пообщаться, он в розыске. А Камбрани лежит в Уллеволе. С отеком яиц, судя по тому, что я слышал.

Фредрик наклонил голову к Йоргену.

– Если вы знали про эмира и Камбрани, почему не написали об этом?

– Этого я не могу сказать.

– Ага, – ответил Фредрик. – Спорю на два пива, что прямо сейчас команда операторов стоит перед обезьянником в Грёнланне. Вы пообещали ничего не печатать, пока эмира не арестуют? Так ведь?

Йорген ухмыльнулся и закатил глаза.

– Посмотрим.

Он вышел покурить. Фредрик наблюдал за ним через грязное окно, пока тот стоял под красным навесом, прячась от дождя. Полицейский надел куртку и вышел вслед за товарищем. Они стояли бок о бок, как Лорел и Харди²⁶.

– Мне нужно знать, кто ваш источник, – сказал Фредрик.

Йорген глубоко затянулся и на выдохе ответил.

– Ни за что, Фредрик.

Его голос посерьезнел.

– Это святое. Ты знаешь.

– Ты понимаешь, что источник вас использует?

Йорген издал какие-то чавкающие звуки и косо посмотрел на друга.

– Ни за что, – повторил он, – Меня этим не проймешь. Ты приоткрыл пару дверей, и мы будем иметь это в виду. Но, твою мать, я не раскрою наш источник. Пока что у меня нет ничего, кроме твоих слов.

– Ты боишься признаться в том, что тебя использовали? – попытался Фредрик еще раз.

Йорген фыркнул.

– У всех источников есть свой интерес. И эта информация пришла с неожиданной стороны. Я могу сказать только это. Но большего ты не получишь.

Он стряхнул пепел.

– Но ведь информацию вбросил какой-то политик, из самых верхов?

Йорген ухмыльнулся.

– Тебе придется отступить, я больше ничего не скажу. А почему ты так думаешь?

– Я не думаю. Я знаю, – твердо ответил Фредрик, повернувшись к нему. – Ты слишком хорошо изучил это дело для человека, который всего лишь получил директиву от начальства. Очевидно, что ты ведешь его. А это значит, что ты или кто-то другой в твоём отделе имеет

²⁶ Стэн Лорел и Оливер Харди, британо-американские киноактеры, одна из самых популярных комедийных пар 1920–1930 гг. в истории кино. – *Прим. ред.*

непосредственный контакт с источником. И, как мне известно, ты занимаешься политикой, а не преступлениями.

Заходя обратно в паб, Фредрик резко остановился. Он задумчиво посмотрел на припаркованные машины на темной улице. Он заметил какое-то движение. Огни машины? Или ему показалось? Он проследовал за своим товарищем внутрь.

Глава 29

В лезвии опасной бритвы отражалась луна. Изумленный и зачарованный ею, он на секунду замер, затем медленно повернул рукоятку, пока не увидел свое отражение. Его взгляд был мрачным и ничего не выражавшим.

Опасная бритва медленно скользила по поверхности белого, как лед, черепа. Зачерпнув воды из небольшой плошки, он стал бриться. Провел лезвием вдоль виска к тому месту, где должно быть ухо, по неровной, зарубцевавшейся коже, через которую, как сквозь тонкую пленку, проступали хрящи. Мужчина повернул голову, и мышцы шеи натянулись так, что он почти ощутил боль. Он посмотрел на бритву, потом на руку. Вода затекала в слуховой проход. Только удалив все волосы на теле, он отложил бритву и выплеснул воду. Сев на корточки, он открыл банку и указательным и средним пальцами стал втирать молочно-белую массу в кожу. Вещество должно было медленно впитаться в верхние слои кожи и сделать его невидимым.

Закончив, он поднялся, выпрямил широкую мощную спину, как орел, расправляющий крылья во время полета, и, проведя руками по гладко выбритой коже, оценил результат.

Если бы кто-нибудь в лесу наткнулся на него на гравиевой дороге, то обратил бы внимание на его обнаженное накачанное тело, крепкие ноги, лоснящуюся, как растаявший парафин, кожу, играющие под ней мускулы, идеальной формы голову без ушей, напоминавшую жемчужину. Но если бы мужчина обернулся, то человек бы отпрянул назад, не веря своим глазам и с ужасом понимая, что ему пришел конец.

Глава 30

– Ты давно знаешь Фредрика? – вполголоса спросила Кафа.

Андреас Фигуэрас холодно посмотрел на нее.

– Да, – коротко ответил он.

Она сделала вид, что не придавала значения его тону.

– Что у него случилось с ногой? Почему он хромает?

Помедлив, Андреас взглянул на своего напарника, которого они обсуждали. Фредрик был в солнцезащитных очках агента, футболке с надписью ZZ Тор и поношенной вельветовой куртке, из-за чего владелец небольшого магазина «Ношк секьюрити энд Тех», где были куплены камеры наблюдения из Сульру, никак не мог понять, что перед ним сотрудник полиции.

– Ну, – сдержанно ответил Андреас. – Раз тебе с ним работать, то тебе не мешает знать, чтобы не облажаться.

Она облизала верхнюю губу. Видимо, ей и в голову не приходило, что за этим может стоять какая-то большая история, чем падение с лестницы или велосипеда. Теперь Кафа изучала Андреаса, окидывая его взглядом от коричневых кожаных ботинок и до серебристо-седых кудрей. Он понял, о чем она думает: это жест откровения, или он просто ищет способ досадить ей? Ответ прозвучал незамедлительно.

– Фредрик повредил колено, спасая своего ребенка из горящего дома.

Андреас заметил, как она вздрогнула.

– У Фредрика с женой, Элис, родился третий ребенок. Элис снова вышла на работу, а Фредрик сидел дома с малышом. Фрикк – так его звали. Пока Фрикк спал, Фредрик выбежал за какой-то мелочью в магазин за углом. Он отсутствовал не больше десяти минут, но когда вернулся, в квартире бушевало пламя. Фредрик выпрыгнул с третьего этажа с Фрикком на руках. Фрикк погиб. Фредрик повредил колено.

– Как грустно, – кротко произнесла Кафа.

Андреас сжал губы:

– Угу.

Фредрик подозвал коллег и показал им на лежавший на столе контракт и на фото человека, с которым он был заключен – лысого мужчину лет сорока пяти. Контракт был датирован двумя годами ранее. «Свет Господень» заплатил почти двести тысяч крон за покупку оборудования для видеонаблюдения. Изучив удостоверение Фредрика, продавец признался, что хорошо помнит этот заказ.

– Повторите то, что говорили про оплату.

Продавец фыркнул, как вынырнувший на поверхность кит. Очевидно, к конфиденциальности своей лавочки он относился очень серьезно.

– Да, все так и было. Они заплатили наличными. Налом.

– Налом, – повторил Фредрик. – Это привычный способ оплаты?

– Нет.

– Вы не спросили у них, почему они расплачиваются наличными?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.